

РАСИНЪ

**ДРАМА—БЮГРАФІЯ ВЪ ПЯТИ КАРТИНАХЪ, ВЪ СТИХАХЪ
И ПРОЗЪ.**

- Картина I-я. *Первое представленіе Андромахи.* (1667.)
Картина II-я. *Первое представленіе Британики.* (1669.)
Картина III-я. *Первое представленіе Береники.* (1670.)
Картина IV-я. *Первое представленіе Федры.* (1677.)
Картина V-я. *Первое представленіе Говоли.* (1669.)

КАРТИНА I.

ПЕРВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ АНДРОМАХИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

(1667.)

Жанъ Расинъ, 28-ми лѣтъ.

Жанъ Расинъ, дядя его, парламентскій совѣтникъ, 50-ти лѣтъ.

Клодъ Лансело, учитель греческаго языка въ Коллегіи Поръ-

Рояля 50-ти лѣтъ. —

Марія Демаръ, вдова Шаниселе, 18-ти лѣтъ. } актрисы.

Луиза Дюпаркъ, 15-лѣтъ.

Маргарита, няня Расина.

Корнель, 60-ти лѣтъ.

Буало, 31 года.

Жиль Менажъ, 26-ти лѣтъ. } писатели.

Реньо де-Сегре.

Слуга Расина.

Актеры и актрисы, слуги Расина.

Комната Расина въ улицѣ святой Варвары. Дверь въ глубинѣ, дверь на-лѣво. Два стола по обѣимъ сторонамъ. Окно. Вечеръ.

ВЫХОДЪ I.

МАРГАРИТА у окна вяжетъ чулокъ, потомъ **Клодъ Лансело**.

МАРГАРИТА. Нѣтъ... это мнѣ послышалось... Однако пора бы ему вернуться. Неужели до-сихъ-поръ некончилась эта Андромаха, какъ онъ ее тамъ называетъ?.. Отъ Бургонской отели недалеко... я бы издала узнала моего Жава. Не случилось ли съ нимъ чего вѣбудь?.. Эти театры вещь преопасная. Долго-ли на нихъ сломать себѣ шею?.. Идутъ... не Жанъ ли это?.. *(идетъ къ дверямъ и сталкивается въ нихъ съ Лансело.)* Фу!.. Какъ вы меня испугали?..

ЛАНСЕЛО. Ничего! ничего!.. Я такъ взбѣшовъ, такъ встревоженъ!..

МАРГАРИТА. Ахъ, Господи!.. Ужъ не слѣдалось ли чего вѣбудь съ Жаномъ?

ЛАНСЕЛО. Нѣтъ еще!.. Но будетъ!.. непременно будетъ. Онъ еще ничего не слыхалъ, но когда узнаетъ—ручаюсь тебѣ, что придетъ въ ужасное отчаяніе!..

МАРГАРИТА. Вы меня пугаете? Вѣрно какое вѣбудь несчастіе случилось съ его другомъ, съ человѣкомъ, котораго онъ любитъ?..

ЛАНСЕЛО. Обожаетъ!.. Извѣстіе это я думаю просто убьетъ Расина!..

МАРГАРИТА. Полноте! Что вы за злобщая птица?.. Не грѣхъ ли вамъ такъ пугать меня!.. Чтожъ такое случилось?

ЛАНСЕЛО. Убьетъ непременно!.. разумеется, морально, а не физически. Злодѣй! варвары! вандалъ, визиготы!.. Онъ и его не пощадилъ!..

МАРГАРИТА. Кого это?..

ЛАНСЕЛО. Онъ изуродовалъ его самымъ безчеловѣчнымъ образомъ.

МАРГАРИТА. Изуродовалъ?.. Ахъ разбойникъ!.. Да кто же это и кого?..

ЛАНСЕЛО. Кто?.. Иезуитъ Раенъ, кому же больше рѣшиться на подобный поступокъ, какъ не переводчику Горація и Овидія метрическими латинскими стихами?

МАРГАРИТА. Да кого же онъ это изуродовалъ?

ЛАНСЕЛО. Эврипида!..

МАРГАРИТА. Эврипида?.. Что это за странное имя?.. Это вѣрно какойнибудь иностранецъ? вновь пожалованный маркизь?

ЛАНСЕЛО. Маркизь?.. Эврипидъ маркизь?.. Ты не знаешь, кто такой Эврипидъ?

МАРГАРИТА. Признаюсь, не слыхала, чтобы у моего Жана былъ другъ, котораго бы называли такимъ именемъ. Ну, да это все равно!.. если онъ добрый человѣкъ, то мнѣ все-таки жаль, что его изуродовали. Бѣдненькій! Ужъ не переломили ли ему руки или ноги?

ЛАНСЕЛО. Переломили руку Эврипиду?.. Да развѣ ты не знаешь, что Эврипидъ былъ сынъ прекрасной Эллады, что онъ родился за 480 лѣтъ до Р. Х., и следовательно, умеръ почти 2 тысячи лѣтъ тому назадъ, что онъ написалъ 80 трагедій, изъ которыхъ 15 были увѣнчаны, а 18 дошли до насъ, что онъ побѣдилъ Софокла на Олимпійскихъ играхъ, что онъ...

МАРГАРИТА. Отстаньте отъ меня пожалуйста! вы знаете, что я терпѣть немогу вашихъ трагедій и ничего въ нихъ непонимаю. Не стыдно ли вамъ только пугать меня? Прилично ли жалѣть о такомъ чловѣкѣ, съ которымъ вы никогда не были знакомы? Да и какъ можно изуродовать чловѣка, который умеръ 2000 лѣтъ тому назадъ. — Сынъ прекрасной Эллады! Хорошо имя и у матушки — то!.. Совсѣмъ не дворянское, Вѣрно она была тоже

въ роль нашей мамзель Пяпони. А я еще пожалѣла объ немъ! Онъ пожалуй, того глупа, еще и протестантъ!..

Лансело. Эврипидъ протестантъ! Это непослужимо, это невѣроятно!.. Не знать Эврипида! Я немогу равнодушно слушать этого! Прощай!..

Маргарита. Постойте! да куда вы бѣжите, точно съумасшедшій!.. Неужели вы только за тѣмъ, и приходили сюда, чтобы рассказать мнѣ про этого господина Эврипида?

Лансело. Ахъ да, я вспомнилъ!.. Я пришелъ сказать моему Жану объ убійственномъ переводѣ трагедіи безсмертнаго Эврипида, сдѣланномъ этимъ варваромъ Расиномъ, но ты совсѣмъ сбѣла меня съ толку твоими глупыми вопросами?.. Гдѣ Жанъ... ушелъ что-ли куда нибудь?

Маргарита. Нашли вы время толковать о какомъ-то Эврипидѣ. Развѣ вы не знаете, что сегодня первое представленіе Андромахи, и Жанъ нашъ въ театрѣ со всѣми своими друзьями и актерами.

Лансело. Знаю! знаю! Онъ далъ мнѣ билетъ. Я обѣщался ему посмотреть его пьесу... Вѣдь она тоже почти греческая!.. и непременно пойду въ театрѣ—какъ только начнутъ.

Маргарита. Поторопизись же вы!.. Я съ часу-на-часъ жду, что ее кончатъ... Ужъ часъ десятый!..

Лансело. Какъ это можно? Да!.. теперь вспомнилъ!.. Я ужъ собирался идти въ театрѣ, когда мнѣ подали переводъ Эврипида, моего божественнаго Эврипида, я съѣлъ на минуту, чтобы пробжать его...

Маргарита. И просидѣли слишкомъ два часа?.. По-вашему обыкновенію!.. Знаю я васъ! Когда вы сядете за книгу, то подмѣ васъ хоть пѣз пушекъ стрѣляй, вы ничего не услышите!.. сидите какъ вкопанный.

Лансело. Напротивъ! Я былъ въ отчаяніи! я поминутно вскакивалъ съ мѣста, ругался какъ мушкетеръ, рвалъ на себѣ шарикъ...

Маргарита. Это очень пріятно!.. Все ваше платье такъ чисто! точно вы по-землѣ катались!..

Лансело. Это и не удивительно. Бѣжавши сюда, я столкнулся съ какимъ-то дюжимъ господиномъ и упалъ въ грязь, которой также много въ улицахъ Парижа, какъ пыли въ нашихъ прекрасныхъ Авиньяхъ. Прощай однако! я бѣгу въ театрѣ...

МАРГАРИТА. Постоите! теперь во-первыхъ ужъ поздно, а во-вторыхъ, въ эдакомъ костюмъ вы всѣхъ пасмѣшите. Я пошла къ вашей ключницѣ, чтобы она прислала вамъ другой кафтанъ в камзолъ...

ЛАНСЕЛО. Хорошо, хорошо! Я покаместъ подожду!.. *(садится.)*

ВЫХОДЪ II.

Слуга, потомъ дядя Расинъ.

СЛУГА, *(входит.)* Госпожа Маргарита! какой-то незнакомый человекъ спрашиваетъ господина Расина. Я сказалъ ему, что онъ въ театрѣ, а онъ попросилъ позволенія подождать, пока мнѣ баринъ возвратится...

МАРГАРИТА. Проси же его сюда, да поскорѣе, а потомъ... *(говоритъ ему на-ухо, показывая на Лансело.)*

ЛАНСЕЛО, *(который между тѣмъ перебиралъ на столѣ книги, схватываетъ одну изъ нихъ.)* Вотъ она! вотъ она!... *(вскакиваетъ.)* А! и Жанъ получилъ ужъ се!.. Вотъ онъ, злодѣй!.. святотатецъ, разбойникъ!

МАРГАРИТА. Господи! что съ вами случилось? что такое?..

ЛАНСЕЛО, *(бѣгалъ съ книгой по комнатѣ.)* Я пашель его!.. Этого губителя всего прекраснаго и высокаго въ свѣтъ, этого литературнаго Муммія, осмѣльшагося положить руку на Эврипидъ!..

МАРГАРИТА. Опять!.. Помните мое слово, что вы помѣшаетесь на этомъ Эврипидѣ!.. Сяйте, пожалуйста! Къ моему Жану пришелъ какой-то господинъ. Если онъ увидитъ, какъ вы бѣснуетесь, то подумаетъ, что попалъ въ домъ сумасшедшихъ.

ЛАНСЕЛО, *(котораго Маргарита сажаетъ въ кресла, читаетъ книгу, бьетъ по столу кулакомъ и по временамъ произноситъ безсвязныя восклицанія во-время слѣдующей сцены.)*

СЛУГА, *(отворяя дверь.)* Пожалуйста!.. г. Расинъ сейчасъ вернется *(уходитъ.)*

ЖАНЪ РАСИНЪ, *(въ дверяхъ.)* Простите меня суларыня, если я... *(увидя Маргариту.)* Что я вижу?.. Маргарита!..

МАРГАРИТА. Боже мой! Боже мой!.. Дядюшка Жанъ!.. Васъ ли это я вижу, мой добрый—господинъ Расинъ!.. Какъ это вы попали въ Парижъ изъ нашего родимаго городка?..

ЖАНЪ РАСИНЪ. Приѣхалъ молая Маргарита, нарочно, взглянуть на моего племянника!.. Вѣдь я невдалѣ его цѣлые семь лѣтъ!.. Жанъ такъ рѣдко пишетъ ко—мнѣ. Думалъ ужъ не случилось ли съ нимъ чего нибудь, да и прикатилъ сюда изъ нашего Ферте — Милона.

МАРГАРИТА. Садитесь, садитесь, дядюшка Жанъ!.. Ужъ какъ же вамъ обрадуется мой воспитанникъ!.. Онъ васъ такъ любитъ... Ну да, послѣднее время, онъ, знаете, все былъ занятъ этими пьесами, да трагедіями, такъ и немудрено, что рѣдко писалъ къ вамъ!..

ЖАНЪ РАСИНЪ. Трагедіями? а, да? это то, что на театрахъ играютъ, знаю! А скажи, развѣ ужъ онъ не пишетъ больше поздравительныхъ стихотвореній его величеству нашему великому королю, въ родъ *Нимфы береговъ Сены*?

МАРГАРИТА. Нѣтъ! вотъ ужъ онъ третью трагедію отлаетъ на Бургонской театрѣ и кромѣ ихъ больше ничего не пишетъ.

ЖАНЪ РАСИНЪ. Напрасно! весьма напрасно! Поздравительныя стихотворенія вещь очень хорошая и полезная. За *Нимфу береговъ Сены* его величество, нашъ великій король пожаловалъ ему 600 ливровъ ежегоднаго пансіона, кромѣ единовременныхъ 100 экю,—а это не шутка. Ну, а за трагедіи ему еще ничего не давали?

МАРГАРИТА. Рѣшительно ничего!

ЖАНЪ РАСИНЪ. Зачѣмъ же это онъ пишетъ—эти трагедіи? Какъ ему не стыдно? Человѣкъ онъ кажется неглупый. Объ его воспитаніи, съ самаго юнаго возраста, заботился я, Жанъ Расинъ, парламентскій совѣтникъ...

ЛАНСЕЛО, (читая.) Болванъ!..

ЖАНЪ РАСИНЪ. Что? этотъ господинъ со мной разговариваетъ?

МАРГАРИТА. Нѣтъ! вы пожалуйста не обращайтесь на него вниманія. Это одинъ ученый изъ Поръ — Ройяля, бывший наставникъ нашего Жана.

ЖАНЪ РАСИНЪ. А! какая странная манера у этихъ господа ученыхъ, и зачѣмъ было моему племяннику перейти въ эту коллегію, гдѣ говорятъ—все зретьки, да ясенцысты!.. Учился

онъ и въ Бове и въ Гаркуртской коллегіи—кажется и довольно бы. Такъ нѣтъ—пошелъ третій разъ въ учебы. А вѣдь въ каждой школѣ учить — то начинаютъ съзнава. Такъ ты по суди, чего это ему стоило?..

лансело, *(читая.)* Эдакой неучъ!..

жанъ расинъ, *(оборачиваясь.)* Что прикажете?.. Эготъ господинъ вѣрно въ слухъ читаетъ то, что написано въ книгѣ?.. Что это? кажется я не ошибаюсь!. Такъ точно!.. Мнѣнть десять тому назадъ онъ столкнулся со мною у воротъ этого дома, когда я спрашивалъ, гдѣ живетъ мой племянникъ и кажется нечаянно уронилъ его... *(подходя къ Ланселю.)* Милостивый государь!..

лансело, *(вскакивал и бросая книгу въ уголъ.)* Это ни начто не похоже!.. Какъ позволяютъ печатать подобныя вещи!.. Стыдъ и поношеніе Франціи!.. Еслибъ я былъ министромъ, я бы завтра же велѣлъ повѣсить этого бездѣльника Ранена!..

жанъ расинъ, *(отступая съ удивленіемъ.)* Вѣрно онъ сдѣлалъ какое нибудь важное преступленіе?

лансело. Важное преступленіе?.. Нальюсь, что важнѣе этого ничего быть не можетъ! Вотъ посмотрите сами *(бѣжитъ и поднимаетъ книгу).* Взгляните на эту страницу. Трагедія Гекуба. Третій актъ. Знаменитый разговоръ Полксевы съ Улссомъ. Посмотрите, какъ это переведено:

Ужели хочешь ты, чтобъ въ жизни сей постылой
Печистый, подлый рабъ, мной овладѣвши силой,
То ложе осквернилъ, гдѣ на груди мой
Былъ долженъ возлегалъ великій изъ царей!

Ну посмотрите, то ли это въ подлинникъ!..

жанъ расинъ. Позвольте, позвольте! милостивый государь! Что это вы мнѣ тутъ читаете?..

лансело. Трагедію Эврипида!.. Развѣ и вы тоже не знаете Эврипида.

жанъ расинъ. Я немнѣю чести быть съ нимъ знакомымъ... Но это все равно! Дѣло не въ томъ. Вы эти стихи назвали кажется трагедією?

лансело. О! это одна изъ лучшихъ трагедій великаго Эврипида.

жанъ расинъ. Честь имѣю васъ поздравить. Такъ и мой Жанъ Расинъ пишетъ такія же трагедіи?

лапсело. Да! его Андромаха написана въ чистомъ Эллинскомъ духѣ. Я увѣренъ, что онъ сравнится со-временемъ съ своими великими образцами.

жанъ расинъ. Въ такомъ случаѣ — мнѣ больше ничего не остается, какъ взять мою шляпу и отправиться обратно въ мой родной городъ!....

маргарита. Что это? что съ вами? Куда вы, дядюшка Жанъ?..

жанъ расинъ. Въ Ферте-Милонъ!... на мою родину, гдѣ я по-крайней-мѣрѣ не буду видѣть стыда моего племянника.

маргарита. Но помплуйте?.. Что могло васъ такъ огорчить?..

жанъ расинъ. Что меня огорчаетъ? Развѣ ты не слыхала, Маргарита! Мой племянникъ пишетъ трагедіи! хороши эти трагедіи! да это просто, съ позволенія сказать, гадость, которую стыдно прочесть въ порядочномъ обществѣ, стыдно слушать благовоспитаемому человеку. Что онъ такое читалъ тамъ: вечный рабъ, овладѣвшій силой, возлжеть на грудь мою.—Фу, Господи! прости, что я на старости лѣтъ повторяю такіа богопротивныя слова. И мой племянникъ пишетъ такіа вещи!.... Послѣ этого вся фамилія Расиновъ должна съ негодованіемъ его отвергнуть. Съ незанятныхъ временъ домъ нашъ отличался прекраснымъ образомъ мыслей и честию, безукоризненною жизнью—и теперь — послѣдняя отрасль наша кладетъ неизглядимое пятно на честное имя Расиновъ!... Что скажетъ въ гробъ бѣдный отецъ его, Жанъ Расинъ, бѣдный дѣдъ его, Жанъ Расинъ, бѣдный прадедъ его, Жанъ Расинъ, бѣдный дядя его, Жанъ Расинъ, все поколѣвіе Жанъ Расиновъ!..

маргарита. Успокойтесь! дядюшка Жанъ! успокойтесь! Въдъ не все же такіа трагедіи, есть и лучше...

жанъ расинъ. Нѣтъ! онъ говоритъ, что это лучшая. Хороши же тѣ, которыя хуже!.... Онъ говоритъ, что это еще не такъ переведено. Каково же должно быть въ подлинникѣ? Я всегда говорилъ, что Парижъ погибшій городъ, что это вертепъ безнравственности. Онъ погубилъ моего племянника! онъ покрылъ стыдомъ имя Расина! (*плачетъ*).

маргарита. Дядюшка Жанъ! дядюшка Жанъ! — Полноте!... перестаньте!...

лапсело. Этотъ человекъ долженъ быть, просто, помѣшанъ!..

жанъ расинъ. Если здѣсь есть помѣшанные, такъ это тѣ,

которые пишутъ такіа трагедіи и восхищаются подобными мерзостями.

Лансело. Мерзостями?... Трагедіи Эврипида мерзость?... Да знаете-ли вы, господа совѣтники, что я васъ всѣхъ вмѣстѣ съ вашимъ парламентомъ отдамъ за одинъ стихъ Эврипида.

Жапъ Расинъ. Маргарита! прощай! я немогу этого вынести!.. Оскорбить почтенное сословіе, къ которому я имѣю честь принадлежать, въ моемъ лицѣ обидѣть весь вашъ distinguished парламентъ!... Если-бы я только не боялся увидѣть мое званіе!... Прощай!... И скажи моему племяннику, чтобы онъ не считалъ меня своимъ дядей, покажьсть будетъ писать трагедіи!...

(Бросается въ двери и въ нихъ сталкивается съ Расиномъ.)

ВЫХОДЪ III.

Расинъ.

Расинъ *(обнимал Жана Расина)*. Дядюшка! милый дядюшка! Васъ ли я вижу.

Жапъ Расинъ, *(вырывается изъ его объятій)*. Оставь меня!... Недостойный писатель неблагопристойныхъ трагедій!... Съ этихъ поръ я тебя не дядя! я тебя незнаю! я никогда незналъ тебя!... *(уходитъ)*.

Расинъ. Что съ нимъ случилось? дядюшка! Опъ бѣжитъ какъ сѣмасшедшій, Маргарита, Лансело!... Объясните мнѣ, что это значить?

Маргарита. Вашъ дядюшка разсердился на васъ за то, что вы пишете трагедіи.

Лансело. Твой дядюшка дуракъ. Онъ осмѣлился ругать Эврипида.

Расинъ. Понимаю! Чудакъ Лансело вѣроятно перепугалъ моего дядю тирадами изъ греческихъ трагедій, а тотъ принялъ его за какого нибудь убійцу или заговорщика. Но я объясню ему....

МАРГАРИТА. Вы знаете, какъ упряжь дядюшка Жанъ. Я увѣрена, что онъ теперь собирается овять въ Ферте-Милопъ.

РАСИНЪ. Теперь уже ночь, сегодня гвѣзь его пройдетъ, а завтра чѣмъ свѣтъ, его племянникъ явится къ нему съ повпной головою, за своего добраго Лансело. Теперь мнѣ вѣкогда объясняться — это займетъ слишкомъ много времени, а я жлу къ себѣ черезъ часъ вѣсколько моихъ добрыхъ друзей, которые прпдутъ разделить скромный ужинъ съ авторомъ Андромахи, заслужившей всеобщія похвалы отъ строгихъ знатоковъ искусства...

ЛАНСЕЛО. Стало быть твоя пьеса.....

РАСИНЪ. Имѣла огромный успѣхъ. Друзья мои хотѣли съ торжествомъ нести меня домой изъ театра. Я насилу упросилъ ихъ избавить меня отъ этого триумфа и просилъ по-просту распить со мною бутылку стараго вина за успѣхъ новаго поэта!...

ЛАНСЕЛО. Я былъ въ этомъ увѣренъ! Милый Жанъ мой! ты сравнишься со временемъ съ Эврипидомъ....

РАСИНЪ. Я попрошу тебя, милая Маргарита приготовить намъ что-нибудь къ ужину, да поскорѣе.

МАРГАРИТА. Сейчасъ! сейчасъ! Я распоряжусь какъ слѣдуетъ.... А все-таки зачѣмъ вы пишете эти трагедіи! (*уходитъ*).

ЛАНСЕЛО. Но и я уйду тоже, Жанъ!

РАСИНЪ. Какъ, развѣ ты не хочешь съ нами поужинать?...

ЛАНСЕЛО. Нѣтъ! у тебя будутъ эти актеры, писатели. Ты знаешь, что я съ ними вѣкогда немогъ ужиться. Они стануть смѣяться надъ греками, я буду горячиться, того гляди мы подеремся.... Что за удовольствіе. Я лучше пойду писать критику на этого Рапена... Ты знаешь?...

РАСИНЪ. Все знаю, мой добрый Лансело, — и потому нехочу тебя удерживать!...

ЛАНСЕЛО. Мы увидимся завтра! (*уходитъ безъ шляпы*).

РАСИНЪ (*одинъ, садится задумавшись къ столу*).

Ушли!... Теперь могу я отдохнуть,

На-единѣ съ самимъ собою — сбросить

Съ лица веселую притворства маску,

Которую такъ тяжело носить.

Они меня навѣрно не поймутъ!

Миѣ странно, миѣ смѣшно печальнымъ быть!

Чего недостаетъ мнѣ? Весь театръ
 Дрожалъ сегодня отъ рукоплесканій,
 Восторга крики воздухъ потрясали,
 Расина имя повторялъ весь городъ
 И можетъ-ли онъ недовольнымъ быть?
 Чего еще онъ требуетъ?... Глупцы!
 Какъ будто ваши крики и восторги
 За все вознаградить поэта могутъ?
 Когда вы мысль не поняли его,
 Рукоплеща однимъ словамъ, какъ дѣти!...
 И гдѣ она, роскошное созданье,
 Любимое дитя моеи мечты,
 Вдова героя Гектора?... Такой ли
 Я создавалъ тебя въ воображеніи,
 Печальная, но гордая Троянка,
 Въ цѣпяхъ твоихъ царица — не раба!
 Тебя на сцену вывелъ я, толпѣ
 Я выставилъ тебя на посмѣянье....
 Прости меня! — Довольно я наказанъ.
 Не менѣ тебя страдаю я! *(задумывается.)*

ВЫХОДЪ IV.

МАРІЯ ШАНМЕЛЕ и ЛУИЗА ДЮПАРКЪ.

ШАНМЕЛЕ.

Задумался?... вотъ это очень низко
 О чемъ тутъ думать, послѣ представленья,
 Имѣвшаго такой успѣхъ огромный?...

ДЮПАРКЪ.

О чемъ—незнаю, но о комъ—нетрудно,
 Мнѣ кажется, нисколько догадаться....

ШАНМЕЛЕ.

Догадываться можно, только жаль,
 Что убѣдиться до-сихъ-поръ нельзя. *(подходя къ Расинѣ.)*

Привѣтъ пѣвцу печальной Андромахи
Великому поэту!

РАСИНЪ.

Ахъ, Марія!...
Мой Богъ! какъ неожиданно!... Меня
Вы удивили вашимъ посѣщенемъ, —
Такъ рано я не ждалъ васъ.

ШАНМЕЛЕ.

Какъ учтиво!
Ужъ я не испугалаъ васъ?.. Прекрасно!
Желая прежде всѣхъ отъ всей души
Одной поздравить нашего поэта,
Я поскорѣ сбросивъ свой костюмъ,
Являюся къ нему — и онъ меня
Встрѣчаетъ милой фразою: такъ рано?...
Смотрите, послѣ право будетъ *поздно*,
Но въ этомъ будетъ не моя вина!...

РАСИНЪ.

Марія!... неужели васъ обидѣтъ
Я могъ моими глупыми словами?...
Вы знаете, языкъ учтивый свѣта
Расину не былъ никогда знакомъ.
Онъ не умѣетъ громкими словами
Идей, какъ погремушкой, украшать
И заострить кудрявымъ комплиментомъ
Простой привѣтъ. Одинъ языкъ онъ знаетъ,
Которымъ сердце говорить его...

ШАНМЕЛЕ.

Не думаю, чтобъ былъ онъ знатокомъ
И въ этомъ языкѣ — по-крайней-мѣрѣ
Въ другихъ его не понимаетъ онъ —
Я это вижу ясно!...

РАСИНЪ.

О! Марія!...

ЛЮПАРКЪ.

Расинъ! покаместъ будете вы здѣсь
 Съ Маріей объясняться о какомъ-то
 Сердечномъ языкѣ, въ которомъ я
 Не понимаю ровню ни погъ-слова,
 Объ ужниѣ я нашемъ позабочусь
 И Маргаритѣ помогать поиду.
 Не правда-ли, за это на меня
 Вы оба не разсердитесь? —

ШАПМЕЛЕ (*грозя ей*).

Шалунья!

ЛЮПАРКЪ (*проходя, Расину, тихо*).

Смѣлѣй! поцелуй Амандисъ! — Пора! —
 Вы видите — ждуть вашего признанья! (*уходитъ. Расинъ въ
 замѣшательствѣ подходитъ къ столу и пере-
 бираетъ книги. Шаммеле у другаго просматри-
 ваетъ на него изъ-подъ руки. Долгов молчаніе.*)

ШАПМЕЛЕ.

Ну-съ, господинъ Расинъ, на чемъ же вы
 Остановились?... Не угодноль будетъ
 Вамъ продолжать?...

РАСИНЪ.

Я... я не помню право.
 Мы говорили кажется объ этой....
 Объ Андромахѣ.

ШАПМЕЛЕ.

Нѣтъ! нисколько! Мы
 О чувствахъ сердца что-то говорили
 Припомните!....

РАСИНЪ.

Быть можетъ!... Только право
 Я позабылъ... Къ тому-жъ такой предметъ!... (*молчаніе*).

ШАНМЕЛЕ,

Скажите, господинъ Расинъ, когда вы
Писали Андромаху, у кого
Вы заняли всѣ разговоры Пирра
Съ Троянкою несчастною?....

РАСВВЪ.

Я занялъ?
Какая мысль? могу вамъ поручиться,
Что самъ я создалъ сцены, разговоры,
Виргилій мнѣ одну идею далъ.

ШАНМЕЛЕ.

Недумаю!... Въ словахъ царя Эпира
Такая бездна чувства и огня.
Любовь его къ прекрасной Андромахѣ,
Такъ пламенна.... Чтобъ выразить ее
Съ такимъ искусствомъ, надо самому
Такъ чувствовать, любить, а вы... вы даже
И говорить не можете о чувствахъ
И о любви....

РАСИНЪ.

Марія! о повѣрьте!
Не многословна — истинная страсть!
Она всегда грустна и молчалива,
Она боится словомъ, взглядомъ, мыслью, —
Ту оскорбить, которая одна —
И умъ и сердце занимаетъ....

ШАНМЕЛЕ.

Право?

А это переводится словами:
И я влюбленъ! Скажите, ради Бога,
Какъ это вы рѣшились мнѣ признаться
Въ такомъ ужасномъ, страшномъ преступленьи?

РАСИНЪ.

Я... вы ошиблись — я не говорю
Ни слова!... Я нимаю не влюбленъ,
А объясняю пьесу, роль....

ШАПМЕЛЕ.

Прекрасно!

Опять назад! Помилуйте, Расинъ!
Я развѣ духовникъ вашъ? Какъ не стыдно
Меня бояться?... Вѣрно мнѣ придется
Признаніе у васъ исторгнуть силой.
Какъ человекъ, вы просто неприступны,
Дай нападемъ на автора опять.
Такъ монологи Пирра вы писали;
Прекрасно; вѣрю! — стало-быть на мѣсто
Героя вѣчно ставили себя,
Его языкъ и чувства принимали,
Одушевлялись страстію его.

РАСИНЪ.

Конечно!.. Но....

ШАПМЕЛЕ.

Себя воображая

На мѣстѣ Пирра,—вы кому тогда
Роль Андромахи назначали?

РАСИНЪ.

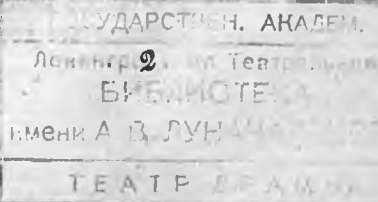
Я

Не думалъ ни о комъ... повѣрьте! Это
Фантазія!...

ШАПМЕЛЕ.

Послушайте, Расинъ!

Вѣдь, наконецъ, ужъ это просто—скучно!
Вы робки и застѣнчивы, но есть же
Всему предѣлъ. Вы влюблены:—объ этомъ
Вся наша труппа знаетъ. Вашихъ чувствъ
Т. VII. Отд. I.

Скрывать вы не умѣете. Давно
 Всѣ называютъ громко вашей страсти
 Предметъ—и только я одна не знаю
 Навѣрное объ этомъ. И за что же
 Такая недовѣрчивость ко мнѣ?
 Въ толпѣ монаховъ подругъ меня всегда
 Вы отличали, вы съ такимъ участьемъ
 Слѣдили за успѣхами монахи,
 Меня учили сами, назначали
 Мнѣ роли ваши лучшія... Расинъ!
 Не стыдно ли вамъ отъ меня скрываться,
 Ужели вы не знаете, какъ къ вамъ
 Привязана Марія?...

РАСИНЪ.

О! вы правы!
 Я съумасшедшій, я дуракъ, Марія
 Я самъ себя невыразимо мучу,
 Но чувство вы мое должны понять,
 Я такъ люблю!—что если на признаешь
 Насмѣшкой, или презрѣньемъ мнѣ отвѣтить?..

ШАНЦЕЛЕ.

Мой Богъ, вѣдь вѣрно вы не въ герцогиню
 Влюбился,—но если только сердце
 Есть и у герцогини подъ корсетомъ,
 То на любовь великаго Расина
 Она однимъ отвѣтитъ—сожалѣньемъ,
 Что страсти пламенной не можетъ также
 Взаимною любовью отвѣчать!

РАСИНЪ.

Марія, ангель! вашими словами
 Вы жизнь мнѣ возвращаете!... Ужели
 И я могу надѣяться!.. Марія!..
 Вы!.. никого не любите?...

ШАНЦЕЛЕ.

Вотъ этотъ
 Вопросъ совѣмъ не кстати, не у мѣста!
 Какъ? вы хотите, чтобы я сказала,

Люблю ли я, когда еще ни слова
Признанья не слыжала—отъ того,
Кого люблю!..

РАСПНЪ.

Марія!.. Сжальтесь... сжальтесь!..
Скажите мнѣ, вы любите-ль?..

ШАНМЕЛЕ.

Кого?

РАСПНЪ. *(бросаясь на колѣна)*.

Того, кто здѣсь, у вашихъ ногъ, вянется
Въ любви безумной, вѣчной, пылкой, страстной,
Которую не выразить словами,
Которую разсудкомъ не понять!

ШАНМЕЛЕ, *(подавалъ ему руку)*.

Вотъ мой отвѣтъ!

РАСПНЪ, *(осыпая ее поцѣлуями)*.

Я немогу повѣрить!

Я немогу придти въ себя! Марія!

О! если это сонъ! молю тебя,

Безумца не буди! Позволь ему

Хотя во снѣ быть счастливымъ. *(Въ дверяхъ показывается Жанъ-Расинъ. Онъ входитъ въ комнату, и видя, что Расинъ не замѣчая его, сжимаетъ руки Маріи, и смотритъ ей въ глаза,—надвѣваетъ шляпу, плюетъ, и опять уходитъ)*.

ШАНМЕЛЕ.

Мои друзья!

Зачѣмъ себя такъ долго мучилъ ты?..

Ужель ты не прочелъ въ моихъ глазахъ,

Что я тебя любила, что давно

Любовь твою открыла!

РАСИНЪ.

Я не смѣю

Надѣяться, признаніемъ бояся
 Я оскорбить тебя.... и до-сихъ-поръ
 Еще не вѣрю! Слишкомъ много счастья!
 Боюсь, чтобъ за него мнѣ не послала
 Судьба большого горя! Но за все
 Любовь твоя вознаградитъ съ избыткомъ.
 Я за нее одними лишь слезами
 Могу теперь тебя благодарить.

ШАНМЕЛЕ.

Мой Жанъ! одно возвышенное сердце
 Любить такъ можетъ!.. О! я постараюсь,
 Чтобы за счастье моего Расина
 Могло меня благодарить потомство,
 Сказавъ: она любовью усладила
 Его заботы...

РАСИНЪ.

И ея любовь

Его потомству сдѣлала извѣстнымъ.
 Своимъ талантомъ ея обязанъ онъ!

ВЫХОДЪ V.

МАРГАРИТА, ДЮПАРКЪ, потомъ Буало, Жиль Ме-
 нажъ, Реньо де-Сегре, Лансело, Актеры и Ак-
 трисы, Слуги.

МАРГАРИТА. Ужинъ вашъ готовъ, благодаря стараньямъ ва-
 шей доброй Луизы. На крыльцо входитъ господинъ Буало, еще
 съ кѣмъ-то, не разглядѣла. Вы скажете мнѣ, когда подавать
 на столъ.

распнъ. Благодарю, добрая Маргарита!.. Позволь мнѣ поцѣловать тебя за твои труды... Вамъ, милая Луиза, я могу только познать хорошенькую ручку, за то отъ всего сердца.

люнаркъ. Покорно васъ благодарю и за это!

маргарита. Да что съ вами случилось? что у васъ за радость?

распнъ. Ахъ, милая Маргарита! я такъ счастливъ, такъ счастливъ!.. (*увидя Буало и Менажа*). Другъ мой, Буало! добрый Менажъ! Позвольте обнять васъ!.. Порадуйтесь вѣстѣ со мною!

буало. Да! я отъ души радъ услышу твоей Андромахи. Она открываетъ совершенно новый рядъ трагедій. Греческіе трагикъ....

распнъ. Помилуй, любезный другъ, я нисколько не думаю о моей Андромахѣ, я забылъ обо всѣхъ трагедіяхъ на свѣтъ.

менажъ. Это очень понятво! Нашъ великій писатель былъ здѣсь, какъ кажется, въ обществѣ живыхъ музъ, съ которыми немудрено позабыть о мертвыхъ!

буало. Ужъ не узналъ ли и ты Распнъ *искусство любить*?

распнъ. Ему научили меня твои стихи.

менажъ. Въ теоріи ты давно былъ силенъ въ немъ; твоя Андромаха на каждомъ словѣ дышетъ самой пылкой страстью.

буало. Да, по за то на практикѣ онъ, какъ я слышалъ, сроду не говорилъ ни одной женщины—самого невиннаго комплиментъ.

шанмеле. Ошибаетесь, господинъ Буало, нашъ скромный поэтъ недавно сдѣлалъ мнѣ любовное объясненіе во всей формѣ и по всемъ правиламъ.

буало. Неужели?.. Поздравляю отъ всего сердца!

менажъ. И я также!.. Жалю только, что не засталъ этой сцены. Она вѣрно была очень интересна.

лаксело, (*входитъ скоро и идетъ прямо къ столу, ищетъ около него, подъ ними, между книгами, и, развернувъ одну изъ нихъ, начинаетъ читать ее, не обращая ни на кого вниманія*).

ревъ де сегре, (*входитъ*). А! меня предупредили—я надѣялся первымъ поздравить съ успѣхомъ моего милаго поэта, (*жметъ ему руки*).

менажъ. А пришелъ послѣднимъ. Тебѣ не въ первый разъ опаздывать.

ревъ де сегре. А Менажъ! вотъ ты, какъ кажется, никогда не опаздываешь посмѣяться надъ своимъ собратомъ и товарищемъ.

менажъ. Я тороплюсь только для того, чтобы онъ не предупредилъ меня.

расинъ, *(увидя входящихъ актеровъ и актрисъ)*. Вотъ и весь мой друзья собрался: Флоридоръ, Бошато, Валоръ! благодарю васъ, что вы не отказались разделить скромный ужинъ Расина, который сегодня вамъ обязанъ былъ своимъ успѣхомъ. Маргарита, вели подавать на столъ. Больше дожидаться нѣкого.

маргарита. Есть даже одинъ лишній гость, котораго вы не считали, господинъ Расинъ.

расинъ. Кто же это?..

маргарита. Да вотъ господинъ Лансело! Онъ опять зачѣмъ-то вернулся. Впрочемъ, вы его не обезпokoите... Можете ужинать, не приглашая его,—онъ не замѣтитъ этого.

расинъ. Чудаки! я невпдалъ, какъ онъ вернулся, *(подходя къ нему)*. Лансело, почтенный мой наставникъ! Клядъ Лансело!

лансело, *(разсыпано)*. А? кто это? здравствуй, съ добрымъ утромъ!.. Мое почтеніе.—Недурно. Двѣ драхмы спикюнскіе башмаки это что-то дорого. *(Продолжаетъ читать)*.

буало. Будто ты не знаешь, что такимъ образомъ отъ него никогда не добьешься отвѣта. Вотъ самое лучшее средство, чтобы заставить его говорить!.. *(выхватываетъ у него книгу)*.

лансело, *(вскакивал)*. А! что? какъ?.. что это значитъ? кто взялъ книгу! подайте назадъ книгу!

буало. Нѣтъ! потрудись прежде сказать: для васъ, или для книги пришелъ ты сюда?

лансело. Я пришелъ?... ахъ, да, вообрази, какой странный случай, любезный Жапъ. Ты вѣдь знаешь, что я несколько не разсыпанъ.

расинъ. О! да! мы все въ этомъ увѣрены!

лансело. Ну да! а уйдя отъ тебя, я позабылъ взять съ собой шляпу я вспомнилъ объ ней у своего дома. Я, разумѣется, тотчасъ же вернулся назадъ, чтобы взять ее, потому-что плъшпвой головъ моей становилось довольно холодно.

расинъ. Но если ты былъ уже у своего дома, то не лучше ли было войдя въ него, послать за шляпой своего лакея.

лансело. Н въ-самомъ-дѣлѣ! вообрази—я объ этомъ и не подумалъ. Ну да это и не удивительно — не все вдругъ придетъ въ голову. Вотъ я и вернулся къ тебѣ за шляпой.

буало. Да и съѣзъ за книгу.

Лансело. Книгу? какую книгу! Ахъ да! Ну, да она мнѣ попалась подъ руку—книга очень любопытная. Я давно не читалъ ее. Разсужденіе Николая о греческомъ театрѣ. Дай мнѣ ее пожалуйста, Жанъ, прочесть?..

Расинъ. Съ удовольствіемъ!... но теперь когда ужинъ на столѣ, ты ужъ не можешь отказаться раздѣлить его съ нами?

Лансело. О! отчего же... съ охотою! Зачѣмъ же ты не сказалъ мнѣ ни слова, когда я уходилъ отсюда? я во всякомъ случаѣ поужинаю съ удовольствіемъ, потому—что пепомню хорошенько: объѣдалъ ли я сегодня! (*всп садлется за столъ, который между тѣмъ слуги принесли на авансцену, Лансело роняетъ на-полъ салфетку и не замѣчая этого, завязываетъ себѣ скатерть въ верхнюю петлицу кафтана.*)

Буало, (*наливая бокалъ*). Прежде всего друзья, выпьемте за здоровье нашего хозяина поэта, и пожелаемъ Франціи имѣть побольше такихъ писателей, какъ Жанъ Расинъ!

Лансело. И Эврпидъ!

всѣ. Виватъ, Жанъ Расинъ! (*пьютъ и чокаются*).

Расинъ, (*вставая*). Друзья мои! Я пью за вѣчность нашей дружбы и за успѣхъ французской трагедіи.

Буало. Зачѣмъ же одной трагедіи? — я слышалъ, что нашъ Софоклъ въ то же время хотѣлъ сдѣлаться и Аристофаномъ, что онъ написалъ какую-то комедію.

Расинъ. Да! она давно уже была у меня пависана, но я только недавно отдалъ ее совершенно. Идею я взялъ изъ Аристофановыхъ *Осв.*—Она называется *Челобитчики*.

Буало. И до-сихъ-поръ ты не говорилъ мнѣ объ этомъ ни слова?

Расинъ. Прости меня, любезный другъ, но прежде чѣмъ отдать ее на строгій судъ твой, я послалъ ее къ моему доброму покровителю, герцогу де Шеврезу. Ты вѣрно отъ него узналъ объ этомъ?

Буало. Да! я сегодня былъ у герцога, и онъ очень хвалитъ твою комедію. Я просилъ у него позволенія взглянуть на рукопись, но онъ ужъ отдалъ ее прочесть одному,—какъ онъ самъ говорилъ, знаменитому челоуьку, на вкусъ котораго онъ совершенно полагается.

Реньо де Сегре. Ужъ не Корпелю ли, который считаетъ комедіи униженіемъ искусства?

расинъ. Ужъ не Мольеру-ли?... Онъ и безъ того терпѣть меня не можетъ, а когда узнаетъ, что я пишу комедіи, — то захвораетъ съ досады.

менажъ. Мнѣ кажется, что размолвка твоя съ Мольеромъ была одною изъ главныхъ причинъ того, что ты вздумалъ написать комедію.

расинъ. Признаюсь вамъ, мнѣ очень хотѣлось доказать этому королевскому камердинеру, что не онъ одинъ можетъ писать комедіи — и что совсѣмъ нетрудно писать такія, какъ онъ.

шавмеле. Это не совсѣмъ хорошо съ вашей стороны, господинъ Расинъ.

расинъ. Что-же дѣлать, милая Марія. Я очень хорошо знаю, что это дурно, но не стыжусь признаться въ этомъ. Откровенность — первая моя добродѣтель — или, если угодно — первый порокъ мой!..

репъ де сегре. И такъ за здоровье втораго Мольера, который вѣроятно будетъ выше перваго.

диопаркъ. За счастье вашего добраго друга!

менажъ. За вѣчную славу перваго траги-комическаго писателя Франца.

лаксело. И за Эврипиды! — (пьютъ).

шавмеле. Кстати знаменитый авторъ многихъ будущиъ трагедій. Мы сейчасъ пытаемъ, какъ далеко простирается ваша откровенность. Я и забыла спросить васъ, каково я сыграла Андромаху... Не запинаясь, не придумывайте фразъ — отвѣчайте ясно и просто.

расинъ. Милая Марія! вы были удивительны, очаровательны, какъ всегда, но...

шавмеле. Но?..

расинъ. Но вы были не Андромаха!..

шавмеле. Не Андромаха? Кто-жъ я была по вашему мнѣнію?

расинъ. Вы были неподражаемой актрисою, отъ которой сходитъ съ ума весь Парижъ, вы были веземнымъ существомъ, посланнымъ въ этотъ міръ, чтобы утѣшить страждущихъ въ минуты несчастія, вы были роскошною, прелестною Марією Шавмеле, которая заставляетъ плакать и безумствовать бѣднаго Расина!...

шавмеле. Въ переводѣ на обыкновенный языкъ эта пыш-

ная фраза значить... вы не повяли вашей роли и очень дурно ее сыгнали.... Благодарю васъ за откровенность, господинъ Распнъ.

распнъ. Я зналъ, что вы обидитесь, Марія, но несмотря на это, я высказалъ вамъ свое мнѣніе. Не обвиняйте себя въ томъ, что роль эта вышла не такова, какою я хотѣлъ создать ее. Быть-можетъ я больше васъ виноватъ въ этомъ, потому-что не умѣлъ вполне выразить, объяснить публичкъ характеръ Андромахи, потому-что роль скорѣе была не такъ *создана*, чѣмъ не такъ *выполнена*.

шавмеле. Все это пустыя увертки. Главную мысль вашу вы сказали теперь такъ ясно, что я не нуждаюсь въ пояснительныхъ прибавленіяхъ.

буало. Ты очень строго судяшь, Распнъ. Какъ поэтъ—ты можешь быть недоволенъ ею, но мы, какъ зрители—были въ восторгѣ отъ нее.

мѣнажъ. Мнѣ очень понятно, почему влюбленный Распнъ не замѣтилъ въ васъ Андромахи—онъ видѣлъ одну только Марію Шавмеле.

люпаркъ. Которая въ слѣдующій же разъ постарается доказать Распну, что онъ ошибается! Не такъ-ли?

буало. И въ доказательство того, что не сердится на него, должна сейчасъ же поцѣловать это высокое чело, въ которомъ родятся такія прекрасныя мысли.

всѣ. Да! да! мы всѣ этого требуемъ!

буало. Вы видите, что это общее желаніе, которому вамъ нельзя противиться.

шавмеле, (*вставал, сухо.*) И которое я исполняю какъ актриса, въ знакъ моего уваженія къ г-ну Распну, какъ къ писателю. (*цѣлуетъ его въ лобъ, въ это время на порогъ показывается Жанъ Распнъ, дядя.*)

ВЫХОДЪ VI.

Жанъ Распнъ.

жанъ распнъ. Опять! Фу ты Господи! Куда это я попалъ?... всѣ, (*вставал.*) Что это за человекъ? (*Лансело одинъ остается за столомъ, ничего не замѣчая и продолжалъ петь*)

расинъ. Дядюшка! какъ я радъ, что вы рѣшились вернуться, и какъ кстати!..

жанъ расинъ. Кстати? Господи! И онъ не стыдится говорить это! Точно кстати—потому, что я своими глазами увидѣлъ твою безпутную жизнь, твои ужасные поступки..

расинъ. Но позвольте!..

жанъ расинъ. Прочь отъ меня—недостойный племянникъ, позорящій чистое имя Расиновъ. Я не хотѣлъ вѣрить первому впечатлѣнiю. «Стыдись старикъ—говорилъ я самому себѣ—можетъ-быть ты неправъ! ты долженъ по-крайней-мѣрѣ выслушать его оправданiя.» И я вернулся сюда съ тѣмъ, чтобы при первомъ словѣ раскаянiя, открыть тебѣ мои родственныя объятiя — и что же увидѣлъ я? Слуги твои сказали мнѣ, что у тебя въ гостяхъ какая-то актриса — и это мнѣ уже было больно, очень больно, но что-же я долженъ былъ чувствовать, когда первымъ предметомъ, бросившимся мнѣ при входѣ въ глаза,—былъ мой племянникъ, стоявшій на колѣнахъ передъ этой актрисой и цѣловавшій у нее ручки.

расинъ. Но дядюшка! повѣрьте!..

жанъ расинъ. Я ничево нехочу слышать—я все видѣлъ собственными своими глазами. Видѣлъ и теперь, когда въ третiй разъ вернулся къ погнбшему племяннику съ рѣшительнымъ намѣренiемъ: заставить его отказаться отъ театра и театральныя трагедiи, или прекратить все родственныя сношенiя.—Вы опять цѣловались—безъ церемонiи, безъ зазрѣнiя совѣсти! Передъ всеми этими почтенными господами, которые очень спокойно смотрѣли на эти неурисстойности. Господи! да туда ли зашелъ я?.. Вавлонъ! настоящiй Вавлонъ! Не введи насъ во искушенiе!

расинъ. Я незнаю, что вы находите во всемъ этомъ дурнаго, почтенный дядюшка. Здѣсь собрались лучшiе друзья мои, артисты и писатели, которыми гордятся Францiя, порадоваться успѣху моей новой трагедiи, играной сегодня въ первый разъ.

жанъ расинъ. Все это вздоръ. Развѣ я не видѣлъ собственными своими глазами. И еще ты увѣряешь меня, что актеры—хорошiй народъ. Ну что у нихъ за нравственность, что за благочестiе?.. Вижу, что они совсѣмъ втянули тебя въ ихъ богопротивное общество. Погубили они моего племянника, при жизни обрекли на муку вѣчныя (плачетъ.) Жанъ! покойный отецъ твой, умирая, просилъ меня не покидать тебя, смотреть за то-

бою—вѣдь ли какъ я добръ—я готовъ все простить, все забыть—я открываю тебѣ мои объятія. Уведемъ со мною въ нашъ Ферте Милонъ! Брось этотъ погнѣшій Парижъ, брось твои трагедіи—и служба вѣрой и правдой отечеству, въ нашемъ судѣ, ты приобретешь любовь соотечественниковъ и благословеніе потомства.

расинъ. Какъ дядюшка? вы хотите, чтобы я оставилъ это поприще, на которомъ первые мои опыты увѣщались успѣхомъ. Вы требуете, чтобы я отказался отъ славы, отъ удивленія моихъ соотечественниковъ, отъ уваженія вельможъ и знатныхъ. Развѣ вы думаете, что писатель не можетъ приносить пользы своему отечеству? Я не выбиралъ этого званія. Тотъ, кто далъ птицѣ поднебесной ея чудныя трели, кто ввелъ вьсокую гармонию въ журчанье ручья и трепетъ листьевъ,—Тотъ вложилъ въ грудь мнѣ сладкое чувство поэзіи—и я, какъ невѣрный рабъ, не зарою въ землю дащаго мнѣ Богомъ таланта.

Жанъ расинъ. Другъ ты мой, Жанъ. Все это вѣдь больше ничего, какъ одни слова и слова. Я вѣрю, что у васъ дорожатъ поэтомъ, потому—что поэтъ вещь рѣдкая, гораздо рѣже попадается, чѣмъ дикая женщина изъ Америки, чѣмъ теленокъ о трехъ головахъ. Да польза—та какая отъ нихъ? Ну что бы изъ этого вышло, если бы на землѣ всѣ люди сдѣлались поэтами, если бы лакей мой, вмѣсто того, чтобы по-утру платье вычистить, началъ бы мнѣ читать стихи? Суета это, чистая суета! Повѣрь мнѣ! покажься ты молодъ, тебя другіе увѣрятъ—и самому тебѣ кажется, что ты удивительно какъ хорошо пишешь,—а право, это все пустяки. Вѣдь ужъ я тебя очень хорошо знаю. Съ малолѣтства изъ-всѣхъ твоихъ братьевъ, ты былъ всѣхъ слабоумнѣе. Ты вѣришь тому, что тебя называютъ талантомъ, гениемъ—вздоръ! все вздоръ! ужъ это я знаю, что изъ тебя рѣшительно ничего не выдетъ. Тебѣ только и быть, развѣ, что судьей. Многого на это непадобно. Послушайся меня, милый Жанъ—поведемъ отсюда. Здѣсь тебя совсѣмъ собьютъ съ толку!

шапмеле. Это превосходно! Это неподражаемо! дядюшка вашъ такое любопытное лице, что я очень желала бы, чтобы его увидѣлъ Мольеръ. Онъ бы написалъ прекрасную комедію.

Жанъ расинъ. Чему вы смѣетесь, сударыня? Какую тутъ вы нашли комедію? Если кто здѣсь играетъ комедію, такъ это тѣ, которые обмацываютъ моего глупаго племянника, а я говорю,

желалъ ему добра. Вы никогда меня не увѣрите, чтобы онъ написалъ хорошую трагедію. На поздравительное стихотвореніе еще его станеть — ихъ и его величество, нашъ великій король любить; — они по-крайней-мѣрѣ хоть тѣмъ полезны, что за нихъ даютъ подарки — а трагедіи?... знаю я, что это за непристойныя штуки. Недавно какой — то полоумный прочелъ мнѣ здѣсь же стихи изъ трагедіи Эврипиды, такъ это такая гадость...

Лансело, *(слушавшій все время спокойно, вскакиваетъ и стаскиваетъ со стола скатерть, привязанную у него въ петлицы. Все падаетъ на полъ.)* Гадость! опять! Эврипидъ, гадость! Нѣтъ это ужъ черезъ чуръ!.. Я не позволю вамъ бранить Эврипиды, слышите-ли, невозволю! Вы еще чортъ знаете, что за человѣкъ — а Эврипида знаетъ вся Греція отъ Пропонтиды до Оракин *(гордо закидывая скатерть за-плечо)* и мы, Аѳиняне въ Пританей и Лицеяхъ, на площадяхъ и въ порткахъ осудимъ остракизмомъ того, кто осмѣлится осуждать Эврипиды.

(Громкій хохотъ. Жанъ Расинъ затыкаетъ уши. Слуги убираютъ столъ.)

Жанъ Расинъ. Господи! Господи! гдѣ я? Что это за-люди. Вынеси меня изъ этого дома! Это Содомъ и Гоморръ! столпотвореніе Вавилонское! Я отслужу благодарственный молебень за мое спасеніе, когда вырвусь изъ этого ада! —

Расинъ. Но дялюшка! Позвольте мнѣ объяснить вамъ!...

Жанъ Расинъ. Довольно! я слышалъ и видѣлъ довольно! — Слышалъ собственными своими глазами, видѣлъ собственными своими ушами!... Фу ты Господи! Голова поневоля плетъ кругомъ. Съ этимъ народомъ и самъ завираешься. Вонъ! вонъ изъ этого дома! —

Расинъ. И вы рѣшились разстаться со мною?...

Жанъ Расинъ. Навсегда! Послеъ всего, что я видѣлъ и слышалъ — мнѣ нѣтъ надежды вырвать тебя изъ этого омута, а я самъ на старости лѣтъ вѣрно не захочу въ немъ купаться. Я прерываю съ тобою вся связи и сношенія. Отъ лица всей почтенной фамилии Расиновъ отчуждаю тебя, изгоняю изъ среды ихъ. Съ этихъ поръ ты не Расинъ, не нашъ родственникъ. Я скажу возвратясь въ Ферте-Милонъ, что племянникъ нашъ умеръ, и что тотъ, кто въ Парижъ носитъ наше имя, присвоилъ его себя самовольно. Въ этомъ свѣтъ мы больше съ тобой не увидимся! — *(уходитъ. Минута молчанія.)*

вудало. Въ этомъ чловкѣ, несмотря на его смѣшную сторону — есть много хорошаго.

дюпаркѣ. Я скорѣе нахожу, что можно было плакать, чѣмъ смѣяться, слушая его!

распнѣ. Судьба! судьба! Это первый ударъ твой, что если...

жанѣ распнѣ, (*появляясь опять въ дверяхъ*). Я вернулся (*Распнѣ бросается къ нему, онъ отклоняетъ его рукою*) для того, чтобы сказать тебѣ, что если ты когда-нибудь одумасешься, бросишь и театр и трагедіи... (*Распнѣ въ свою очередь отступаетъ и качаетъ головою*). Понимаю!... Но если даже просто на тебя обрушатся несчастія, если люди вмѣсто удивленія и похвалъ ставутъ смѣяться надъ тобою, преслѣдовать тебя, если ты долженъ будешь бѣжать изъ этого Парижа — потому, что все можетъ случиться — если наконецъ у тебя не будетъ ни куска хлѣба, ни пристанища, куда бы ты могъ приклонить свою бѣдную голову — тогда не забудь, что въ твоемъ родномъ городѣ есть чловкѣ, который всегда готовъ простить раскаянію, всегда готовъ открыть объятія свои для блуднаго сына!

распнѣ. Дядюшка! добрый, благородный дядюшка! Если послѣ всего того, что вы сказали мнѣ, я отказываюсь сдѣлать за вами,—вы должны быть увѣрены, что не простой капризъ, не упрямство, не заблужденіе, заставляютъ меня дѣлать это — но твердое убѣжденіе, но призваніе свыше. Дорога, по которой пойду я — трудна и терниста. Она приведетъ меня можетъ-быть къ безднѣ печали и страданій — а я все-таки пойду по ней — и до конца жизни не оставлю пути, избраннаго мною. Я сдѣлалъ только одинъ шагъ на ней — и уже судьба послала мнѣ тяжелое испытаніе — разлуку съ вами. Впередѣ ожидаюгъ меня еще большія бѣдствія. Благословите же меня — добрый дядюшка — съ твердостью и терпѣніемъ донести до могилы тяжелый крестъ мой.

жанѣ распнѣ. Цѣтъ, Жанъ — я немогу сдѣлать этого. Ты избралъ, по мнѣ, дурную дорогу въ жизни — а на дурную грѣшно благословлять. Я могу только объять тебя и молить Бога, чтобы онъ скорѣе снялъ съ тебя ослѣпленіе. (*Распнѣ бросается къ нему въ объятія*.) Вижу, что ты не совсемъ погибъ, и что настанетъ время, когда домъ отеческій будетъ радоваться возвращенію блуднаго сына! — а теперь если Богъ судилъ тебѣ пройти путемъ испытанія — да сбудетъ святая воля Его. Амны!
(*Вырывается изъ его объятій и уходитъ. Вслѣ тронуты.*)

БУАЛО. Добрый старикъ! Какъ онъ любить тебя, Расинъ! какая привязанность!

МЕНАЖЪ. И вмѣстѣ съ тѣмъ какое ослѣпленіе! Ненавидѣть трагедіи!

ЛАНСЕЛО. Бранить Эврипида!

РЕНЬО де СЕГРЕ. Но признавать таланта въ Расинъ!

РАСИНЪ. Кто знаетъ? Не правъ ли онъ?.. Не ошибаетесь ли вы, друзья мои, не ошибаюсь ли я самъ?

БУАЛО. Кто сомнѣвается въ самомъ себѣ, тотъ никогда не пойдетъ далѣе. Вѣрь собственному сердцу, Расинъ — и оно не обманетъ тебя.

РАСИНЪ. Да! я чувствую въ груди какой-то тайный голосъ, который говоритъ, что и во мнѣ есть искра этого божественнаго огня, который люди называютъ талантомъ. Я чувствую, что могу понимать, что могу создавать прекрасное. Не для того ли судьба разорвала связи моего родства съ міромъ, чтобы я привязался всею душою къ искусству. Люди, которыхъ уважаетъ Франція, назвали Расина своимъ братомъ, и Расинъ докажетъ свѣту, что они не ошиблись, возлагая на него такія блестящія надежды. Родные оставили меня въ самомъ началѣ моего поприща, любовь не многое обѣщаетъ бѣдному Расину — пусть же искусство за все вознаградитъ меня!..

БУАЛО. Да! и я предсказываю тебѣ громкую славу и блестящую будущность. Друзья! еще разъ нальемте бокалы!.. За славу Расина! за здоровье *перваго* драматическаго писателя Франціи!

всѣ (*окружая Расина съ бокалами вина и пожимая ему руки.*) Да здравствуетъ Расинъ! нашъ *первый* драматическій писатель!

ВЫХОДЪ VII.

КОРНЕЛЬ.

КОРНЕЛЬ (*на порогѣ*).

Остановитесь, молодые люди!

Позвольте же и мнѣ соединить

Мой хриплый голосъ съ криками восторга,
 Позвольте вмѣстѣ съ вами прокричать
 Глухцу съдому, старикку Корнелю :
 Да здравствуетъ великій пашъ Расинъ !
 Нашъ первый драматическій писатель! —

(Всѣ молча и съ почтеніемъ отступаютъ, наклоняя головы).

Чтожъ замолчали вы, зачѣмъ же мнѣ
 Не вторите вы криками своими?...
 Или голосъ мой смутилъ васъ, удивилъ
 Какъ гостя замогильнаго воззванье ?
 Не правда ли, вамъ странно видѣть здѣсь
 Свидѣтеля времени давно минувшихъ?
 Вамъ странно видѣть стараго Корнеля
 Межъ молодымъ и новымъ поколѣньемъ ?
 Межъ новыми великими людьми ! —
 Да ! зажился старикъ ! Давно пора
 Ему очистить мѣсто для другихъ
 Писателей, для гениевъ высокихъ,
 Для первыхъ драматическихъ талантовъ...
 Не правда ли — онъ какъ-то всѣхъ стѣсняетъ,
 А безъ него просторно будетъ вамъ ! —
 Старикъ одинъ такъ много мѣста запылъ !...
 На немъ могабъ съ успѣхомъ подвизаться
 И дюжина писателей повѣвшихъ.
 Онъ здѣсь, бродя какъ островъ межъ живыми,
 Далеко тѣнь отбрасывалъ на нихъ.
 Пора и вамъ въ лучахъ погрѣться славы,
 Которую онъ заслонялъ отъ васъ.

РАСИНЪ.

Ты къ намъ несправедливъ, Корнель, тебѣ
 Завидовать и удивляться только
 Мы можемъ, — но желать твоей кончины
 Не станетъ тотъ, кто любитъ нашу славу,
 Кто къ Франціи привязанъ. Предъ тобою
 Готовы мы съ почтеніемъ склониться.
 Всегда, вездѣ и всѣми будешь принятъ

Ты какъ отецъ трагедіи новѣйшей.
 Про имени твоемъ всѣ встанутъ съ мѣста,
 Протянутъ руку славному Корнелю,
 И,—съ просьбою почтить ихъ скромный пиръ,—
 Бокаль заиранный поднесутъ поэту! (по знаку его Буало
 подноситъ Корнелю бокаль съ виномъ).

КОРВЕЛЬ. (отклоняя его)

Я не затѣмъ пришелъ, чтобъ пировать,
 Я не затѣмъ пришелъ, чтобъ упиваться.
 Вся молодость Корнеля протекла
 Въ трудъ, въ науки—не въ ппрахъ весельяхъ.
 Я непривыкъ къ роскошнымъ вашимъ яствамъ
 И въ вашихъ винахъ я незнаю толку.
 Въ твои года, Расинъ—Корнель сидѣлъ
 За книгой—не за чашею вина.
 Да, то былъ вѣкъ суровый,—трудный вѣкъ!....
 Его потомки скоро позабыли,
 Но ихъ самихъ за то скорѣй забудутъ!
 Въ тогъ вѣкъ название *перваго* поэта
 Не такъ легко, повѣрь, пріобрѣталось,
 И проживъ я тяжелую годину,
 Пока въ своемъ призваньи убѣдился.
 Къ чему пустая скромность въ дверяхъ гроба? —
 Я чувствую—я сдѣлалъ все, что могъ, —
 И съ этой мыслью я умру спокойно!

РАСИНЪ.

Къ чему такія мысли! Много можешь
 Еще ты сдѣлать, написать!...

КОРВЕЛЬ.

Расинъ!

Ты знаешь ли великое искусство,
 Остановиться во-время, когда
 Слабнютъ силы, память измѣняетъ,
 Воображеніе старое дряхлаетъ? —
 Нѣтъ! никогда своей прошедшей славы
 Не захочу я пережить. Свой путь
 Я долженъ былъ окончить, а другіе
 И начинать его бы не должны.

БУАЛО.

Ты слишкомъ строгъ!

КОРНЕЛЬ.

Я только справедливъ!

Когда я началъ поприще свое
 Во Франціи была толпа поэтовъ,
 И небыло читателей. Надъ всеми
 Былъ приговоръ одинъ. Что кардиналъ
 Рѣшалъ,—то было неизмѣнно. Онъ
 Въ войнѣ и въ мирѣ и въ литературѣ
 Господствовалъ вездѣ.—Я написалъ
 Имъ *Сиды*—Сидъ не понялъ бытъ; ему
 Трагедіи Ротру предпочитали.
 Я написалъ *Гораціевъ*. Всѣ ждали,
 Что скажетъ кардиналъ—но Ришелье
 Молчалъ—и всѣ молчали. Не теряя
 Ни твердости, ни убѣжденія, я
 Имъ *Цинну* далъ—и Цинною остался
 Доволенъ кардиналъ—и весь Парижъ
 Смотрѣть его два мѣсяца сбѣгался.
 Я побѣдилъ терзіишемъ вражду,
 Презрѣишемъ обезоружилъ зависть;
 Я удивленіе публики насильно
 Исторгъ,—и равнодушный къ похваламъ,
 Какъ равнодушенъ былъ къ ея насмѣшкамъ,
Помпел ей и *Поліевкта* далъ.
 Парижъ въ моемъ призваніи убѣдился,
 И лишь тогда меня онъ назвалъ *первымъ*
 Трагическимъ писателемъ. Теперь
 Другіе нравы—вѣкъ другой! Теперь
 Едва явился молодой писатель,
 Едва онъ три трагедіи поставилъ,
 Три юношески—слабыя созданья, —
 Объ немъ вездѣ гремитъ молва,—и слава
 Ужъ лаврами чело его вѣнчаетъ!
 Въ мой вѣкъ — дороже лавры были. Чѣмъ
 Онъ заслужилъ и похвалы и славу?
 Стыжусь сказать: кудрявыми стихами
 На день высокой бракосочетанья
 Т. VII. Отд. I.

Великаго Монарха, гдѣ поля,
И горы, и моря, в рѣки скачутъ,
Отъ радости горитъ свѣтлѣе солнце
И небо улыбается землѣ.

РАСИНЪ.

Корнель! Твои слова жестоки, горьки,
Тяжелымъ камнемъ падаютъ на сердце.
Ты правъ—ты правъ! я даръ свой унижалъ!
Пренебрегалъ высокими назначеньемъ....
Но неужели вѣтъ въ душѣ моей
Поэзии священнаго огня?
Ужели я обмануть самолюбьемъ!
Ужели все, что до-сихъ-поръ считалъ,
Я вдохновеньемъ, посланнымъ мнѣ свыше,
Однимъ наборомъ словъ надутыхъ было,
Пустымъ трудомъ пустаго реча?

КОРНЕЛЬ.

Расинъ—повѣрь словамъ моимъ! тебѣ
Я немогу завидовать. Свой вѣкъ
Я пережилъ давно, и мнѣ довольно,
Моей прошедшей славы! Черезъ меня
Теперь тебѣ искусство говорить:
Оставь театръ, разбей пустую лиру!
Тебѣ не быть поэтомъ никогда!
Съ тоской въ душѣ я видѣлъ Андромаху.
Я небылъ ею тронутъ, восхищенъ;
Я не нашелъ въ ней гордаго размаха
Трагедіи Софокловскихъ временъ;
Гдѣ этотъ стихъ могучій и суровый,
Который могъ бы вдругъ толпу увлечь
И слухъ плынуть гармонією новой,
Гремятъ, сверкать и поражать какъ мечъ!
Такъ никогда не говорили Греки!
Ихъ рѣчи были гордостью полны,
А жалобы и слезъ горячихъ рѣки
И въ приторной идилліи смѣшны.

Ты возбудилъ въ толпѣ лишь состраданье.
Оно всѣмъ сродно. Можно сострадать
И вичаго услышавши стеванье.
Талантъ—не трогать долженъ—поражать!
Не просить онъ вниманія у міра,
Но какъ судья караетъ и казнить.
Онъ не кадитъ народному кумиру,
Его страстямъ и прихотямъ не льститъ;
Передъ толпой и глупой и надменной,
Чтобы ея улыбку получить,
Не станетъ онъ, какъ скоморохъ презрѣнный,
За золото кривляться и смѣшить.
Нѣтъ! тотъ, кто разъ увязлся до смѣха,
И Момуса гремушку въ руку взялъ,
Кто глупому народу па потѣху
Пѣвцомъ его дурачествъ пошлыхъ сталъ,
Кто сталъ смѣшить какъ рабъ толпу пустую,
Когдабъ надъ ней могъ властвовать какъ богъ, —
Кто написалъ комедію такую—*(вынимаетъ изъ-подъ плаща
комедію Расина и бросаетъ ее на столъ)*
Тотъ не поэтъ—а жалкій скоморохъ!

(Гордо и медленно уходитъ. Вст безмолвны. Занавѣсъ падаетъ).

КАРТИНА II.

ПЕРВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ БРИТАННИКА.

(1669.)

ДВѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ЛЮДОВИКЪ XIV-й.

РАСИНЪ, 30-ти лѣтъ.

ПРИНЦЪ КОНДЕ.

КОЛЬБЕРТЪ, первый министръ.

ГЕРЦОГЪ ДЕ ШЕВРЕЗЪ.

ГЕРЦОГЪ ДЕ ЛОЗЕНЪ.

ГРАФЪ ДЕ БРИССАКЪ.

ЛУВА.

БАРОНЪ ДЕ НАНЖИ, 30 л.

ВИКОНТЪ Д'АРКУРЪ.

МАРКИЗА ДЕ МОНТЕСПАНЪ.

ФРАНЦИСКА Д'ОВИНЬЕ, вдова Скарронъ.

МОЛЬЕРЪ.

БУАЛО.

ШАВМЕЛЕ.

1.

2.

3.

} вельможи.

ДЕЗЕРЪ, придворный танцовальный учитель.

ПРИДВОРНЫЕ; свита короля.

Я В Л Е Н І Е I.

Галлерей въ Версали. На-право входъ въ театръ, въ глубинѣ на сцену.

ВЫХОДЪ I.

Графъ де Бриссакъ, Викоутъ д'Аркуръ. *(сходятъ со сцены)*

Бриссакъ. Рѣшительно вѣтъ никакой возможности!.. Жаръ просто невыносимъ, и еслибъ не присутствіе его величества!..

д'АРКУРЪ. Ты однакоже нашелъ средство ускользнуть!

БРИССАКЪ. Я сижу съ самаго края. Мерзавецъ Нанжи отвелъ мнѣ такое мѣсто, съ котораго видны только лѣвыя булки на парикъ его величества,—и потому онъ вѣрно не замѣтилъ моего ухода.

д'АРКУРЪ. А я считая себя обиженнымъ, послѣ того какъ Луваа дали орденъ Святаго Духа, позволяю себя нарушить правило этикета.—Какъ тебѣ правится трагедія?

БРИССАКЪ. Помилуй, Викоутъ, можно ли объ этомъ спрашивать? развѣ ты не видишь, что его величество ни разу не хлопалъ въ продолженіи трехъ дѣйствій.

д'АРКУРЪ. Это правда, но такъ какъ я считаю себя обиженнымъ, то могу имѣть другое мнѣніе. Понравилась ли пьеса эта въ Парижѣ?

БРИССАКЪ. Нѣтъ! третьяго дня на театрѣ въ Бургонской отелѣ наслу долушали ее до конца. Незнаю, съ чего вздумалось Кольберту рекомендовать ее Королю, и его величество приказалъ сыграть ее во дворцѣ.

д'аркуръ. Скажи пожалуйста! Какая нынче мода на этихъ сочинителей. Король завтракаетъ съ Мольеромъ, даетъ пансіонъ Буало, смотритъ трагедію Расина! И къ чему все это поведетъ?...

бриссакъ. Къ тому, что эти господа уже и теперь высоко поднимаютъ носъ и воображаютъ, что они умнее насъ, потому, что умѣютъ писать стихи. (*шумъ за сценой*) Что это за шумъ?

д'аркуръ. А! это вѣрно окончился третій актъ. Такъ и есть. Сюда идетъ Нанжи. Вѣрно король вышелъ изъ театра.

ВЫХОДЪ II

Нанжи, потомъ Лозень.

бриссакъ. Баронъ! что это значитъ! Развѣ его величество изволилъ оставить залу спектакля?

нанжи. Да! онъ вышелъ во внутреннія покои поправить прическу.

д'аркуръ. И поговорить съ Маркизой.

нанжи. Можетъ быть.

бриссакъ. Скажите, баронъ. Вѣдь кажется и третій актъ не заслужилъ одобренія его величества?

нанжи. Нисколько. Его величество все время былъ очень серьезенъ. Въ продолженіи цѣлаго акта—онъ всего три раза обращался съ вопросомъ къ Маркизѣ и одинъ разъ къ его свѣтлости, принцу Конде. Впрочемъ это и не удивительно. У его величества такой тонкій вкусъ. Знаете ли вы, господа, что за Британника, Расинъ вѣроятно будетъ посаженъ въ Бастилію.

бриссакъ. Возможно ли? Что же онъ сдѣлалъ?

нанжи. Какъ что сдѣлалъ? Развѣ вы не замѣтили, что пьеса эта написана по наущенію Кольберта, который велѣлъ представить себя въ видѣ Бурра, спасающаго отъ пагубнаго вліянія Нарцисса-Лувуа—его величество.

бриссакъ. Какъ неужели онъ осмѣлился подѣ видомъ Перона...

нанжи. Не совсѣмъ, но есть черты сходства. Напримѣръ, въ четвертомъ актѣ, говорятъ, будетъ сцена, въ которой Нарциссъ искуснымъ образомъ смѣется надъ страстью Перона пѣть и

тавцовать на театрѣ передъ публикою, которую принуждастъ хлопать его же стража.

д'АРКУРЬ. И въ то время, когда король на прошлой недѣль пѣлъ въ оперѣ Люлли, а завтра танцуетъ въ балетѣ: *Floral*

БРИССАКЪ. Какая дерзость!.. Представте—я это самъ замѣтилъ. И его величество послѣ того еще награждаетъ этихъ сочинителей.

д'АРКУРЬ. Но можетъ быть это одно предположенію, случайность...

ПАВЖИ. Весь дворъ говоритъ объ этомъ.—Ждутъ, что сцена эта, послѣдняя въ четвертомъ актѣ,—возбудитъ сильный гнѣвъ короля, что представленія не окончатъ.

БРИССАКЪ. Мнѣ кажется его бы не слышало и начпать.

д'АРКУРЬ. Я очень буду радъ, если достанется этому господину Расину.

БРИССАКЪ. Развѣ ты что-нибудь противъ него имѣешь?

д'АРКУРЬ. Я? противъ сочинителя? помилуй! Онъ мнѣ не нравится просто оттого, что нравится другимъ.

БРИССАКЪ. Сюда идетъ герцогъ де Лозенъ. Опъ, какъ кажется, кого-то ищетъ. Осмѣлюсь я узнать ваше мнѣніе о пьесѣ, герцогъ?

ЛОЗЕНЪ, (*подходя*). Помилуйте, баронъ. Какое мнѣ дѣло до пьесы. Я рѣшительно не слыхалъ изъ нее ни одного слова.

БРИССАКЪ. Не будетъ ли нескромностью съ моей стороны, если я спрошу, что же васъ занимало во время представленія?

ЛОЗЕНЪ. Да—это будетъ небольшою нескромностью,—на которую я могу отвѣчать вамъ—молчаніемъ.

д'АРКУРЬ, (*тихо Бриссаку*). Развѣ ты не знаешь безъ вопросовъ, что онъ волочится за Шанмеле.

БРИССАКЪ. Какъ ему не стыдно! Быть соперникомъ Расина!

ЛОЗЕНЪ, (*смотря въ дверь на сцену*). Наконецъ вотъ и она!.. Господа! могу ли я попросить васъ оказать мнѣ очень важную услугу.

д'АРКУРЬ. Мы готовы сдѣлать все, что вамъ угодно.

БРИССАКЪ. Располагайте намъ, герцогъ.

ЛОЗЕНЪ. Если вы такъ добры, господа, то я попрошу васъ уйти отсюда.

БРИССАКЪ, (*раскланиваясь*). Понимаемъ, и съ удовольствіемъ исполняемъ вашу просьбу.

навжи. Вы однако дурное место выбрали для объясненій, любезный герцогъ. Его величество возвратится въ залу театра— черезъ эту галерею.

ЛОЗЕНЬ. О! я къ тому времени успѣю все кончить!

НАВЖИ. Желаю вамъ успѣха! (*уходитъ*),

ВЫХОДЪ III.

ШАММЕЛЕ. (*выходитъ со сцены, въ костюмъ Юлии, того времени. Серебрянная парчевая юбка съ краснымъ, бархатнымъ корсажемъ, украшеннымъ разноцвѣтными лентами и кружевами. Королевская мантия фіолетоваго бархата съ горностаевой обшивкой. На голову высокая пудренный парикъ съ желтыми перьями. Перчатки и огромный вѣеръ.*)

ЛОЗЕНЬ, (*становясь на колѣни съ комической важностью*). Ваше высочество! Какъ долго вы заставляете ждать себя! Вы забываете, что точность есть учтивость королей,

ШАММЕЛЕ. Къ чему все эти знаки уваженія, герцогъ. Я играю не Агриппину.

ЛОЗЕНЬ. Вы играете принцессу царской крови. Но если бы занимали роль простой пастушки, то и тогда я невольно склонилъ бы передъ вами колѣна?

ШАММЕЛЕ. Это не изъ новой ли пьесы Маламъ Дезульеръ?

ЛОЗЕНЬ (*вставая, сухо*). Нѣтъ! это изъ новой трагедіи Расина.

ШАММЕЛЕ. Я непомню въ ней этого мѣста.

ЛОЗЕНЬ. Вы забываете пьесу — не лучше ли бы вамъ было позабыть автора?

ШАММЕЛЕ. Это очень трудно. Онъ такъ часто о себѣ напоминаетъ!

ЛОЗЕНЬ. Пышными стихами?

ШАММЕЛЕ. Нѣтъ! скучной прозой! Однакожъ вы вѣрно не затѣмъ просили у меня свиданія, чтобы говорить со мной о Расинѣ.

ЛОЗЕНЬ. Напротивъ — только за этимъ.

ШАММЕЛЕ. Въ такомъ случаѣ, вамъ бы гораздо лучше было обратиться къ Буало. Онъ почти навзусь знаетъ его трагедіи

и разсуждаетъ объ нихъ очень умно. Я не умѣю и не люблю спорить объ литературу.

ЛОЗЕНЬ. Какое мнѣ дѣло до литературы. Расинъ можетъ быть очень хорошій писатель—это мнѣ совершенно все равно. Пусть онъ пишетъ, что ему угодно. Я былъ бы счастливъ, если бы вамъ нравились только его трагедіи.

ШАММЕЛЕ. Только ?

ЛОЗЕНЬ. Да! Марія! Признаюсь вамъ — одна мысль, что вы любите этого сухаго, холоднаго кропателя трагедій — приводитъ меня въ бѣшенство.

ШАММЕЛЕ. Скажите лучше, что самолюбіе ваше оскорблено тѣмъ, что Расинъ вашъ соперникъ.

ЛОЗЕНЬ. Вы должны еще болѣе оскорбляться тѣмъ, что соперница ваша—муза господина Расина. — Что я говорю — соперница! — Онъ любитъ ее гораздо болѣе чѣмъ васъ!

ШАММЕЛЕ. Вы думаете ?

ЛОЗЕНЬ. Я въ этомъ увѣренъ. Развѣ можно, любя васъ, думать о чемъ нибудь другомъ, кромѣ вашей красоты. Развѣ можно, зная васъ, писать какіе нибудь другіе стихи,—кромѣ посланій, мадригаловъ, тріолетовъ и буриме — къ жестокой Маріи. Слава — не подруга любви. Они не могутъ жить въ одномъ сердцѣ. Расинъ любитъ васъ какъ актрису, которая заставляетъ выслушивать публику его скучные стихи, какъ женщину, красота которой очень много содѣйствуетъ успѣху его трагедій, тогда какъ я — я люблю васъ — единственно для васъ самихъ, нисколько не заботясь о томъ, что вы первая актриса, я думаю только объ васъ, живу только вамъ....

ШАММЕЛЕ. Да! и собираетесь выпросить у его высочества позволеніе на бракъ съ герцогиней Монпансье.

ЛОЗЕНЬ, *(съ смущеніем)*. Это неправда! это клевета! Кому вздумалось распространять такіе вздорные слухи ?

ШАММЕЛЕ. Разумется, прежде всѣхъ — вамъ самимъ. И вы будете очень довольны, если слухъ этотъ дойдетъ до короля — какъ общее мнѣніе. Но вы однакоже подали мнѣ прекрасную мысль: испытать, до какой степени простирается любовь Расина, и не ошиблась ли я сама, думая, что онъ любитъ меня больше своей славы.

ЛОЗЕНЬ. Увѣрю васъ, что вы ошиблись.—Эти писатели—

народъ пресамолюбивый. Они больше всего любятъ свою славу, то есть другими словами: самихъ себя.

Шанмеле. Я это — тотчасъ же узнаю. Расинъ идетъ сюда. Удивительно, какъ онъ на такое долгое время упустилъ меня въ виду. Свѣю ли я просить васъ, герцогъ, оставить насъ или прикажете мнѣ самой удалиться?

Лозенъ. Какъ можно! Я знаю долгъ учтивости, и оставляю васъ, надѣясь тронуть ваше сердце, когда оно взлечится отъ своей романтической привязанности къ полу-помѣшаннымъ людямъ, которыхъ у насъ называютъ писателями. *(увидя входящую Расина, почтительно кланяется Шанмеле и уходитъ въ противоположную сторону).*

ВЫХОДЪ IV.

ШАНМЕЛЕ, РАСИНЪ.

РАСИНЪ. Лозенъ! Я былъ увѣренъ! *(подходя къ Шанмеле)* Вы, Марія, задумались о герцогѣ конечно?

ШАНМЕЛЕ.

Да! Признаюсь, герцогъ очень милъ,
Любезенъ, ловокъ, веселъ и остеръ,
Онъ чистый типъ французскаго дворянства.

РАСИНЪ.

Какъ хорошо его узнали вы!
Вы впрочемъ перечли теперь одни
Достоинства моральныя, въ немъ много
Физическихъ....

ШАНМЕЛЕ.

Расинъ!

РАСИВЪ. —

Марія! Сжался!

Я обезумѣлъ, я сойду съ ума!
 Но жиламъ кровь кипитъ горячей лавой,
 Ядъ ревности меня терзаетъ, мучитъ!
 Еще мнута — еслибъ этотъ герцогъ
 Остался здѣсь, ябъ оскорбилъ его,
 Нанесъ ему смертельную обиду....

ШАВМЕЛЕ.

Расивъ! Меня ты любишь ли?

РАСИВЪ.

Марія!

Какой вопросъ?

ШАВМЕЛЕ.

Неправа-ль, ты ревнуешь,

Когда при появленіи на сцену
 Маріи Шавмеле, со всѣхъ сторонъ
 Восторженные крики раздаются,
 Когда толпа вельможъ и молодежи
 Слѣдитъ за нею жалкими глазами,
 И каждый шагъ и каждый вдохъ ея
 Непреставно рукоплесканьемъ встречевъ.

РАСИВЪ.

Да! точно! Ты отчасти поняла,
 Что чувствовать я долженъ въ это время.
 И если-бы тогда могъ кто-нибудь
 Мнѣ въ сердце заглянуть, — онъ ужаснулся бь
 При видѣ мукъ невыразимо-тяжкихъ,
 Которыя терзаютъ грудь мою.
 Я вижу въ каждомъ зрителѣ врага,
 Соперника; холоднаго актера,
 Которому твердишь ты о любви,

Я задушить готовъ; — твоя улыбка;
 Другому — въ холодъ, въ дрожь меня бросаетъ
 Твой взглядъ меня приводитъ въ иступленье.
 Мнѣ кажется ябъ даже счастливъ былъ,
 Когда бы ты была дурной актрисой,
 Когдабъ твое холодное лице
 Огня души и чувствъ не выражало
 И публика спокойная встрѣчала
 Съ холоднымъ равнодушіемъ тебя.

ШАВМЕЛЕ.

Расинъ! я понимаю это чувство.
 И чтобъ тебя отъ этихъ мукъ избавить
 И доказать тебѣ мою любовь, —
 Рѣшилась я театръ на-вѣкъ оставить
 И жить лишь для одаой твоей любви.

РАСИНЪ.

Марія! неужели ты отъ славы,
 Восторговъ, удивленья, похвалы,
 Такъ равнодушно можешь отказаться?
 Но безъ тебя осиротѣетъ сцена,
 И бѣдная трагедія умереть.

ШАВМЕЛЕ.

Такъ не ошиблась я? Такъ вы во мнѣ
 Одну актрису любите.—Марія
 Нужна вамъ для піесъ, для геронь,
 Для сценъ эффектныхъ, для того, чтобъ ваши
 Трагедія успѣшнѣй съ нею шли.

РАСИНЪ.

И ты могла подумать!.. Я жалю
 Объ нашей сценѣ только.—За себя
 Я радъ... я буду счастливъ. Я немогъ
 Повѣрить, чтобы мнѣ такую жертву
 Рѣшилась принести ты!

МАРІА.

Оттого-то

ШАВМЕЛЕ.

И отъ тебя въ замѣнъ, мой милый другъ,
Потребую и я такой же жертвы.
Оставь театръ и не пши трагедіи!
И я моей любовью постараюсь
Вознаградить тебя за эту жертву.

РАСВНЪ.

Марія! какъ! и ты мнѣ предлагаешь
Отъ будущности славной отказаться,
Забуть отъ Бога посланный мнѣ даръ,
И разъ уже поднявшись надъ толпою,
Сойти въ разрядъ людей обыкновенныхъ,
Обрадовать враговъ?... Когдабъ хотѣлъ я —
То немогу располагать собою, —
Я Фравція теперь принадлежу.

ШАВМЕЛЕ.

Расвнъ! Расвнъ! Меня пустыя фразы
Не удивятъ. Тебѣ я точно тоже
Сказать могла бы. Наше положенье
Почти равно.—Но только я теперь
Могу тебя упреками осыпать.
Два года роль невиннаго страдальца
Игралъ ты, постоянно упрекая
Меня въ кокетствѣ, вътрениости, даже
Въ измѣнѣ. Я молчала—я была
Увѣрена въ любви твоей. И что же?
Теперь, когда я жертвую тебѣ
Тѣмъ, что всего для женщины дороже:
Восторгомъ, обожаніемъ толпы,
Любовью и Парижа и двора,
Ты, пламенный и страстный мой поклонникъ,
Ревнивый обожатель,—на любовь
Марія—славу промѣнять жалѣешь,
Предпочитая ей свои стихи!...

РАСИНЪ.

Марія! ты ко мнѣ несправедлива!
 Ты будешь презирать меня сама,
 Когда я откажусь, какъ малолушный,
 Отъ назначенья моего, отъ дара,
 И не свершивъ того, къ чему я призванъ,
 Какъ жалкій трусъ, покину поле битвы
 И стану жизнь въ бездѣйствіи влечить,
 Не принеся моей отчизнѣ пользы.

ШАВМЕЛЕ.

Вы дурно жевщивъ знаете! Къ чему
 Намъ ваша слава, подвигъ.—Мы васъ,
 Лишь васъ однихъ здѣсь любимъ. Въ нашемъ сердцѣ
 Одно лишь чувство:—вся другія страсти
 Ему покорны. Въ вашемъ мѣсто есть
 Всегда другимъ привязанностямъ. Слава,
 Отечество васъ могутъ занимать.
 Вамъ непонять, какъ любящее сердце
 Къ отечеству и къ славы васъ ревнуетъ.
 Повѣрь, чѣмъ вы несчастный, чѣмъ бѣднѣе
 И почестями и любовью міра,
 Тѣмъ въ насъ любовь сильнѣй. Когда гордятся
 Любовникомъ своимъ—его не любятъ.
 Ты это понимаешь ли? Тобой
 Я не гордилась никогда,—за то
 Тебя любила. И теперь ты долженъ
 Межъ нами выбрать: слава—или любовь?
 Марія—или театръ?—Я жду отвѣта!

РАСИНЪ.

Когда меня мой старый, добрый дядя
 Въ родимый городъ звалъ, я на искусство
 Родство в дружбу промѣнялъ.

ШАВМЕЛЕ.

Теперь
 Ты жертвуешь ему любовью?... Такъ ли

Я поняла? Молчишь ты! О Расинь!
 Ты Римлянинъ, ты истинный герой!
 Тебѣ потомство будетъ удивляться,
 Но женщины тебя не полюбятъ!
 Прощай!

РАСИНЬ.

Марія! Боже! неужели
 Меня ты покидаешь?

ШАНМЕЛЕ.

Нѣтъ! нисколько!...

Со мной въ разлукѣ ты меня забудешь,
 Вообразишь, что умерла Марія,
 Утѣшишься в славой, и другою
 Любовью—все быть можетъ. Потому-то
 Тебя я неоставлю.—Я хочу,
 Чтобъ видѣлъ ты—какъ отъ меня съ ума
 Весь городъ сходитъ,—какъ одной улыбкой
 Я буду жизнь и счастье дарить.
 Я превзойду себя—съ досады буду
 Я первою трагической актрисой,—
 И это будетъ мечь моя, Расинь,
 За то, что ты мою отвергнулъ жертву.

РАСИНЬ.

Марія!

ШАНМЕЛЕ.

Да! Въ роляхъ царицъ, любовницъ—
 Я буду удивительна,—чтобъ ты
 Раскался, чтобъ плача и страдая,
 Ты мучился, слѣдя за каждымъ словомъ,
 За каждымъ вздохомъ, потому что эти
 Слова и вздохи—будутъ не къ тебѣ,
 Къ другому обращаться, в другому
 Восторги обѣщать и счастье рая, —
 И это будетъ мечь моя, Расинь!

РАСПНЪ.

Марія !

ШАНМЕЛЕ.

Да! я слылаю, что ты
 Самъ проклянешь и славу и искусство,
 Что самъ свою ты лиру разобьешь!...
 Забудешь все, измученный и блѣдный,
 Съ мольбою припадеши къ мопмъ ногамъ,
 Но я тебя съ насмѣшкою отвергну, —
 И это будетъ месть моя, Распнъ! (*уходитъ*).

РАСПНЪ.

Ушла! Мой Богъ! Спаси меня! Я знаю,
 Она отмстить мнѣ будетъ въ сплахъ. Дай
 Мнѣ крѣпость духа. Мужество вдохни
 Въ грудь бѣлаго Распна. Эту страсть
 Я погасить искусствомъ постараюсь!
 Поэзіей я побѣжду любовь,
 И слава мнѣ замѣнитъ все на свѣтъ.

ВЫХОДЪ V.

Буало, потомъ Дезеръ.

БУАЛО. Распнъ! я вездѣ ищу тебя. Знаешь ли ты, какой слухъ распространяютъ враги твои. Говорятъ, что ты подъ видомъ Нерона вывелъ на сцену—Людовика XIV-го.

РАСПНЪ, (*пораженный*). Боже! развѣ мало одного несчастья. За что-же ты посылаешь мнѣ другое? Но что подало поводъ къ такой низкой клеветѣ.

БУАЛО. Нѣсколько стиховъ, которые говоритъ Нарцисъ въ концѣ четвертаго акта. Я хотѣлъ предупредить тебя, чтобы ты ихъ выкинулъ.

распятъ. Въ самомъ дѣлѣ! пойдемъ!.. Нѣтъ! Если я ихъ выпяну, это послужитъ новымъ доказательствомъ моимъ врагамъ. Оставимъ все такъ какъ есть, и положимся на просвѣщенный умъ и благородное сердце Людовика. Пойдемъ.

дезеръ, *(бросаясь со всѣхъ ногъ на Расина.)* Наконецъ я нашелъ васъ, господинъ Расинъ! великій господинъ Расинъ! Вы должны выслушать меня! должны спасти меня отъ отчаянiя.

распятъ. Что вамъ угодно, милостивый государь, я не имѣю чести знать васъ!..

дезеръ. О! такой великій писатель конечно можетъ не обращать вниманiя на своихъ собратовъ по искусству, которые впрочемъ ничуть не ниже его.

распятъ. Вы мой собратъ, вы также писатель?

дезеръ. Да — съ! я такой — же артистъ какъ и вы, хоть и не пишу трагедiй. Я танцевальный учитель — понимаете ли вы это, господинъ драматическiй писатель. — Я придворный — танцевальный учитель!

распятъ. Но какое мнѣ до этого дѣло?

дезеръ. Какое вамъ дѣло! Вы убиваете мое искусство, вы лишаете меня хлѣба, который я добываю въ потъ лица, не жалѣя трудовъ и погъ, и вы спрашиваете — какое мнѣ дѣло?

распятъ. Буало! пойдемъ отсюда! Мы только тратимъ время съ этимъ сьумасшедшимъ.

дезеръ. Сьумасшедшимъ! О Терпсихора! и ты допускаешь, чтобы такъ оскорблял твоего жреца!.. Одну минуту! Умоляю васъ! Я забываю мою гордость, мое превосходство передъ вами и прошу васъ только обо одномъ. Говорятъ, что вы въ какой-то трагедiи вашей, которую играютъ сегодня, осуждаете страсть великаго Людовика къ танцамъ, смѣетесь надъ этимъ высокимъ искусствомъ, и потому я долгомъ считаю сначала просить васъ, чтобы вы уничтожили это мѣсто, обидное для меня и моего званiя, предоставляя себѣ раздѣляться съ вами другимъ образомъ, если вы не исполните моей просьбы.

распятъ. Это уже слишкомъ!.. Я покажу тебѣ, негоднiй!..

буало. Расинъ! Какъ тебѣ несгдыно сердиться?.. Это врно плоская выдумка какого нибудь досужаго придворнаго. Такъ и есть: посмотри, вотъ ихъ цѣлая толпа смѣется издали надъ твоимъ гнѣвомъ.

ВЫХОДЪ VI.

БРИССАКЪ, д'АРКУРЪ, МОЛЬЕРЪ, ТОЛПА ВЕЛЬ-
МОЖЪ, ПОТОМЪ НАИЖИ, ЛЮДОВИКЪ XIV, МОНТЕС-
ПАНЪ, КОНДЕ, КОЛЬБЕРТЪ, ЛУВУА, д'ОБИНЬЕ,
СВИТА, ПРИДВОРНЫЯ ДАМЫ, ПАЖИ.

БРИССАКЪ, (*хохоча.*) Мольера, сюда! скорее Мольера! пусть онъ спишетъ намъ цѣликомъ эту сцену въ какуюнибудь комедію.

д'АРКУРЪ. Представитъ намъ дуэль Мельпомены и Терпсихоры.

МОЛЬЕРЪ, (*выходя изъ толпы.*) Извините господа. Тутъ надо будетъ выводить на сцену животныхъ, а я на это не мастеръ. Мой собратъ, господинъ Расинъ, который съ такимъ успѣхомъ помѣстивъ щенковъ въ дѣйствующія лица своей комедіи — самъ лучше можетъ обработать этотъ сюжетъ.

БРИССАКЪ. Да! правда! вѣдь онъ тоже и комическій писатель.

д'АРКУРЪ. Геній во всѣхъ родахъ!

1-й придворный. Скажите! господинъ Расинъ, что вашъ Британикъ — продолженіе Челобитчиковъ?

2-й придворный. Не вывели вы и въ немъ на сцену какихънибудь звѣрковъ?

3-й придворный. Вы однако воруете у самого себя. Вашъ Неронъ точь-въ-точь Давленъ и говоритъ такимъ же языкомъ.

РАСИНЪ. Великій Корнели! ты правъ! Только одинъ скомо-рохъ могъ написать такую комедію!

БРИССАКЪ. Вы что — то шепчете про себя? Не монологъ ли изъ новой трагедіи. Будьте сострадательны, господинъ Расинъ! мы едва живы отъ Андромахи.

д'АРКУРЪ. Мы, того и гляди, умремъ къ концу Британика отъ зѣвоты.

1-й придворный. Чѣмъ мы виноваты передъ вами, что вы всякій годъ наказываете насъ убійственными трагедіями?

2-й придворный. За что вы хотите уморить насъ въ цвѣтъ лѣтъ?

3-й придворный. Знаете-ли вы, что это переходитъ границы терпѣнія. Знаете-ли вы, что...

РАСИНЪ. Я знаю только то господа, что изъ-всѣхъ самыхъ

глухихъ животныхъ, въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ никого глупѣе придворныхъ дураковъ!

всѣ. Что такое? Что это значитъ? Опъ оскорбляетъ насъ!..

ванья, *(вбѣгая.)* Господа! господа! сюда плеть его величества!.. *(Всѣ тотчасъ оправляются, стараются принять пріятную фізіономію и становятся по сторонамъ.)*

расвѣтъ, *(хватая Буало за руку.)* Другъ мой! Я бѣгу! Я не могу, не долженъ вѣдѣть короля, покажеть не рѣшится участь моей трагедіи. *(уходитъ. Людовикъ входитъ, ведя Маркизу Монтеспанъ, зади его принцъ Конде съ Франциской д'Обинье, за ними Кольбертъ, Шеврезъ, Лувау, Лозенъ и дворъ.)*

людовикъ *(обращаясь къ д'Обинье.)*

Такъ завтра мы надѣемся увидѣть
Искусство ваше въ танцахъ?

д'ОБИНЬЕ.

Государь!

Но, ради Бога, только лишь не съ вами?

Людовикъ.

Чтожь, развѣ я такой дурной танцоръ?

д'ОБИНЬЕ.

Ужасный! стоитъ поглядѣть на васъ, —
Сейчасъ собьешся съ такту, въ изумленн
Невольно остановишься!..

МОНТЕСПАНЪ, *(съ досадою.)*

Давно ли

Робка такъ стала госпожа Скарронъ?

Не на своей ли свадьбѣ танцевала

Она такой гавотъ, который всѣхъ

Привелъ въ восторгъ.

д'ОБИНЬЕ.

Маркиза такъ добра!

Все помнитъ! Насъ училъ одинъ и тотъ же
Учитель танцованья — Итальянецъ

Карачч. — Онь о красоть Маркизы
Всегда съ такимъ восторгомъ отзывался...

МОНТЕСПАНЪ.

Но, госпожа Скарронъ!..

людовикъ, (перебивая ее.)

А, Буало!

Я радъ васъ видѣть!.. Скоро ли вы насъ
Какой нибудь поэмой подарите?

БУАЛО.

Поэма плодъ тяжелый, государь!
И медленно растетъ и тихо зрѣетъ.

людовикъ.

А вы, Мольеръ, что новаго у васъ?
Не пишитель комедіи?

МОЛЬЕРЪ.

Нѣтъ, ваше

Велпчество! Теперь я вижу въ модѣ
Трагедіи, такъ съ Таліей моею
Убрался я подальше въ уголокъ!

людовикъ.

Зачѣмъ же? У меня пристрастья нѣтъ
Къ трагедіямъ. Люблю я посмѣяться,
Люблю я танцы, пѣніе... Недавно
Я Амадиса пѣлъ, какъ говорятъ,
Недурно. Завтра я играю въ новомъ
Балетъ — Апполона—и танцую
Па новое, прекрасное. Его
Дезеръ составилъ!

ДЕЗВРЪ, (*пробиравсь къ Людовику и раскланиваясь*).

Государь! я счастливъ!....

БУАЛО.

Съ-тѣхъ-поръ, какъ на-пути побѣдъ великихъ
Вы по слѣдамъ идете Александра,
Я думать смѣлъ, что славы полководца
Довольно вамъ, и что танцора слава
Для полноты ея вамъ не нужна.

ЛЮДОВИКЪ.

Но развѣ вашъ великій Александръ
Не танцовалъ?

БУАЛО.

Нѣтъ! п е му случилось!

Исторія преданье сохранила:

Онъ танцовалъ въ тотъ день, какъ сжегъ Персеполь.

ЛЮДОВИКЪ, (*отворачиваясь*)

Чтожъ мы остановились, господа!

Насъ ждетъ четвертый актъ. Пойдемте въ залу!

(*Всѣ низко кланяются и уходятъ за королею*).

Я В Л Е Н І Е II.

Въ глубинѣ сцены театрѣ. Передъ нимъ небольшой оркестръ. Въ первомъ ряду на высокихъ креслахъ Людовикъ, подлѣ него Маркиза Монтеспанъ, съ правой стороны принцъ Конде, позади Франциска д'Обиье и Лувуа. По обѣимъ сторонамъ вельможи и придворныя дамы въ богатыхъ платьяхъ. Занавѣсъ поднятъ. На сценѣ, по обѣимъ сторонамъ кулисъ, на скамейкахъ сидитъ рядъ молодыхъ вельможъ. Между ними Лозенъ, Шеврезъ, Бриссакъ, д'Аркуръ.

Б Р И Т А Н Н И К Ѣ:

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА ВЪ БРИТАННИКѢ.

- Неронъ. — Флоридоръ.
- Бурръ. — Бошато.
- Нарциссъ. — Вальморъ.
- Юнія. — Шанмеле.

Д Ъ Й С Т В І Е І V .

Я В Л Е Н І Е І І I .

НЕРОНЪ В БУРРЪ, (въ костюмахъ того времени. Неронъ въ зеленомъ атласномъ камзолѣ съ бѣлыми атласными буфами на рукавахъ; на-груди картонныя латы съ изображеніемъ солнца. Нижнее платье широкое, розоваго цвѣта съ бахромой, на плечахъ красная парчевая мантия со шлейфомъ. Желтыя полусапожки, обшитыя кружевами. На рукахъ манжеты. Рукоятка меча убрана огромнымъ баитомъ. На головѣ черный парикъ съ длинными бублями. На парикѣ два вѣлика: розовый и лавровый; одинъ на правой, другой на левой сторонѣ, въ рукѣ скипетръ. Бурръ одѣтъ подобнымъ же образомъ, нѣсколько бѣднѣе.

БУРРЪ.

Какъ радуешь меня такое примпревье!
Я словъ ненахожу—я плачу въ восхищеньи!
О государь, тебѣ я часто говорилъ:
Британникъ истинно всегда тебя любилъ.

НЕРОНЪ.

Бурръ! вснавьствъ его мпритъ меня съ тобою.
И опъ ласкается надеждою пустою!

Хоть обнялъ я врага, но это для того,
Чтобы въ объятіяхъ мнѣ задушить его!

БУРРЪ.

Какъ, государь?

НЕРОНЪ.

И часъ Британника кончины,
Избавитъ навсегда меня отъ Агриппины.
Пока Британникъ живъ—я пеживу вполнѣ.
Здѣсь всѣ объ немъ твердятъ; онъ ненавистенъ мнѣ,
Всѣ доброту его, величье прославляютъ!...
Быть можетъ тронъ ему и царство предлагаютъ.

БУРРЪ.

Такъ смертію ему грозить рука твоя?

НЕРОНЪ.

Сегодня же усну опять спокойно я!

БУРРЪ.

Но что же къ этому поступку побуждаетъ?

НЕРОНЪ.

Оцъ счастью моему, спокойствію мѣшаетъ.

БУРРЪ.

Нѣтъ! нѣтъ! не вѣрю я, чтобы въ груп твоей
Мысль эта родилась. Неронъ! ты не злодѣй.

НЕРОНЪ.

Бурръ!

БУРРЪ.

Нѣтъ! Неронъ свершить не можетъ преступленья!
Онъ гнѣвомъ увлеченъ, въ мипутномъ заблужденъ;
Нѣтъ, кровь невинную не можетъ онъ пролить!..
Ужель наскучило ему любимымъ быть?

НЕРОНЪ.

Какъ! вѣчно скованный моею прошедшей славой,
Не смѣю я теперь предаться мести правой;
Не должешь, немогу теперь пролить ихъ кровь,
Чтобы народную не потерять любовь!
Иль только миловать имѣю я свободу?
Ужель я царь на то—чтобъ угождать народу?

БУРРЪ.

Но, государь, тебѣ довольно мысли той,
Что блага общаго лишь ты одинъ виной.
Ты царь, ты властелинъ, ты все здѣсь дѣлать можешь,
И если семя зла ты въ сердце уничтожишь,
То отъ добра къ добру пойдешь путемъ прямымъ;
Но если ты льстецу повѣришь, то за нимъ
Отъ преступленія летая къ преступленью,
Возбудишь въ людяхъ ты и страхъ и омерзенье.
Британника друзья возстанутъ на тебя,
Ты встретишь ихъ; вновь, тиранина полюбя,
Враги поднимутся; ты местию мечь разбудишь,
Страша другихъ, ты самъ всего страшиться будешь:
Днемъ трепетать за жизнь, глазъ ночью не смыкать
И въ каждомъ подданномъ—врага подозрѣвать.
Ужель ты позабылъ дни молодости ясной!
Когда, всѣхъ радуя душой своею прекрасной,
Ты могъ сказать: теперь повсюду мой народъ,
Боготворя меня, лишь счастья слезы лить,
И у боговъ съ мольбой всѣхъ благъ Нерону просить,
И жалобъ на меня безсмертнымъ не приносить!
О! какъ о вѣкъ томъ мнѣ сладко вспоминать!
Ты кровь преступника страшился проливать,

И смертный приговоръ назначивши злодю ,
 Ты говорилъ тогда: зачѣмъ писать умью!
 Теперь увижу я, какъ кровь Неронъ прольетъ!..
 Нѣтъ! нѣтъ! до этого старикъ не доживетъ.

(бросается на колѣна).

О! Государь! вѣд безстрашною стоюю
 Къ пороку, Бурра ты убей своей рукою,
 Чтобъ не увидѣлъ опъ позора твоего!....
 Но, боги, пеужель я тровутъ могъ его!
 Да! онъ въ смущеніи... опъ мысли злой стыдится!...
 Мой царь, мой сынъ спасенъ!—къ добру онъ обратится!
 Разрушенъ злобный ковъ злодѣевъ и льстецовъ.
 Неронъ! съ Британникомъ увидишься ты вновь.

НЕРОНЪ.

Что предлагаешь ты?

БУРРЪ.

О! опъ тебя такъ любить,
 Онъ добръ. Невиннаго Неронъ мой не погубить.
 Согласенъ ты—п я бѣгу ему сказать,
 Что хочетъ царь къ груди Британника прижать!

НЕРОНЪ.

Ты въ комнатахъ моихъ съ нимъ будешь дожидаться.

Я В Л Е Н І Е І V.

НЕРОНЪ. НАРДИССЪ.

НАРДИССЪ.

Теперь, о государь, не будешь ты бояться!
 Изъ ядовитыхъ травъ при мнѣ Локуста сокъ
 Смертельный выжала, п ядъ тотъ такъ жестокъ,

Что рабъ, которому она для испытанья
Отраву подала, безъ боли и терзанья,
Какъ молніей сраженъ, въ ногамъ моимъ упалъ.

НЕРОНЪ.

Благодарю! теперь мнѣ ядъ не нуженъ сталъ.

НАРЦИССЪ.

Что слышу?.. государь! ужель?.. сказать боюсь!..
Прощаешь ты?

НЕРОНЪ.

Нѣтъ! я съ Британникомъ мирюся!

НАРЦИССЪ.

Ты властелинъ. Прости злодѣя твоего!
Но если онъ узнавъ, что ты хотѣлъ его
Отравой опопть,—самъ сдѣлать тожъ рѣшится
Съ тѣмъ, кто теперь его, какъ кажется, боится.

НЕРОНЪ.

Онъ добръ—онъ искренно всегда меня любилъ.

НАРЦИССЪ.

И Ювю ему ты также уступилъ?

НЕРОНЪ.

Довольно! словъ твоихъ я слушать не намѣренъ.

НАРЦИССЪ.

Я повинуюся! я въ этомъ былъ увѣренъ!..
И Агриппинъ вновь покоренъ сталъ Неронъ.
Она хвалилася!..

НЕРОНЪ.

Хвалилась?... чѣмъ?

НАРЦИССЪ,

Что онъ,

Увидя гнѣвный взоръ, ея услыша слово,
Забудеть гнѣвъ и мечь—ребенкомъ станетъ снова.
Что можетъ вмѣгъ она Нерона укротить,
И онъ же будетъ самъ прощенья просить.

НЕРОНЪ.

Но обвинять меня всѣ въ страсти къ крововѣиству,
Всѣ мечь мою причтутъ тогда къ отцеубійству...
Нарциссъ! скажи скорѣй, что долженъ дѣлать я?...
Повѣрь, что злобою кипитъ душа моя.

НАРЦИССЪ.

И Римлянами ты любимымъ быть желаешь!
Ужель, о государь, ты ихъ еще не знаешь?
И мнѣнію толпы безумной и пустой
Ты слѣдуешь съ твоей великою душой.
Надъ слабостью твоей они-жъ начнутъ смѣяться,
Они вообразятъ, что можно ихъ бояться.
Нѣтъ! цѣни Римъ привыкъ съ младенчества носить
И обожать того, кто могъ ихъ наложить.
Ихъ лесть безстыдная—тирановъ утомила;
Ихъ рабство долгое высокихъ чувствъ лишило....
Казни своей рукой, лей кровь,—когда ты царь,
Повѣрь, за все тебя воздвигнется алтарь!
Въ погибшихъ же найдутъ всѣ роды преступленья,
Предавши память ихъ стыду и поношенью.

НЕРОНЪ,

Нарциссъ! я немогу, я Бурру слово далъ!
Иль хочешь, чтобъ меня онъ снова обвинялъ?

НАРЦИССЪ.

Но Бурръ, о государь, имѣеть замысль низкій,
И какъ наставникъ твой, какъ другъ, къ престолу близкій,
Онъ хочетъ вмесемъ твоимъ повелѣвать,
Налъ Рпомъ властвовать, народомъ управлять.
Вотъ что въ народъ онъ теперь распространяегъ,
Чему всѣ вѣрятъ здѣсь, что всякій повторяетъ;
Вотъ ихъ слова. «Неронъ на царство не рождешъ
И безъ совѣтниковъ не можетъ править онъ.
Въ пустыхъ забавахъ онъ свое блаженство ставитъ;
Поетъ прекрасно онъ, конемъ онъ ловко правитъ,
На сцену—взорными талантами гордясь,
Выходятъ часто онъ народу па-показъ,
И стража—тѣхъ, кого монархъ не восхищаетъ,
Ему рукоплескать насильно заставляетъ.»
О государь! пора заставить ихъ молчать!...

НЕРОНЪ.

Пойдемъ! подумаемъ, что должно намъ начать!

(Занавѣсъ опускается. Еще при концѣ словъ Нарцисса между зрителями обнаруживается волненіе. Всѣ смотрятъ на Людовика, который скривая неудовольствіе, отворачивается отъ сцены и при послѣднихъ словахъ Нарцисса встаетъ съ креселъ. Въ тоже время всѣ поднимаются съ негодованіемъ. Послѣднихъ словъ Нерона нельзя разслушать. Занавѣсъ опускается при громкомъ шумѣ.)

ЛУВУА.

Какая дерзость!

Людовикъ идетъ къ выходу изъ сильной досады. Никто изъ придворныхъ не смѣетъ за нимъ слѣдовать. Бѣсъ шепчутся между собою. Конде останавливаетъ короля у самой двери.

КОНДЕ.

Государь! два слова!

ЛЮДОВИКЪ.

Что вамъ угодно, ваша свѣтлость. Я
Теперь въ дурномъ расположеннн духа
И потому...

КОНДЕ.

И потому-то, Ваше
Величество—осмѣлился я васъ
Остановить. Вы чѣмъ-то недовольны,
На васъ устремлены глаза придворныхъ;
Всѣ ваше нерасположенье могутъ
Піесю приписать—и бѣдный авторъ
Подумать можетъ, что своей піесой
На васъ павель досаду.

ЛЮДОВИКЪ (смотря на него пристально).

Ваша Свѣтлость,
Вамъ правится піеса?

КОНДЕ.

Чрезвычайно!

ЛЮДОВИКЪ.

И вы... вы не нашли въ ней ничего
Дурнаго.... неприличнаго?...

КОНДЕ.

Ничего!

Лице Нерона видѣть неприятно —
Конечно, но поэтъ съ такимъ искусствомъ
Развитіе наклонностей порочныхъ
Умѣлъ представить, — что ему невольно
Должны мы удивляться. Недовольнымъ
Тотъ можетъ быть, кто, какъ Неронъ, въ себя
Зародыши его пороковъ видитъ.

ЛЮДОВИКЪ.

Вы правы, принцъ!... Мы автору должны
Быть благодарны за его піесу,
Она дастъ намъ косвенный урокъ, *(увидл подходящаго Лувуа.)*
Не слишкомъ довѣряться тѣмъ, кто льститъ намъ,
Не такъ ли, Лувуа?

ЛУВУА.

Вамъ, Государь,

Бояться лести нечего. И какъ бы
Она невѣроятна ни была,
Все вашихъ дѣлъ не выразитъ вполне.

ЛЮДОВИКЪ.

Опять! Кольбертъ! Мнѣ кажется Распну
Вы были покровителемъ всегда,
Благодарю васъ! Имя Мецената
Ничуть не ниже Августа!

КОЛЬБЕРТЪ.

Нѣтъ Ваше

Величество — безъ Августа навѣрно
И Мецената небыло бы.

ЛЮДОВИКЪ.

Мы

Хотѣли бы видѣть автора піесы!

КОЛЬБЕРТЬ.

Его миѣ герцогъ де Шеврезъ недавно
Представилъ, онъ пріятель старѣй съ нимъ,
Позвольте же ему снести Расину
Вѣсть радостную.

ЛЮДОВИКЪ.

Герцогъ де Шеврезъ!
Прошу васъ, на себя примите трудъ
Миѣ автора трагедіи представить
Теперь-же!

ГЕРЦОГЪ ДЕ ШЕВРЕЗЪ.

Государь!... Какъ вамъ угодно!
Но онъ не приготовленъ!... Онъ не ждетъ
Такой высокой чести.

ЛЮДОВИКЪ.

Ничего!

Мы подождемъ его. Талантъ — какъ царь,
Имѣетъ право ждать себя заставить.

*(Шеврезъ уходитъ съ низкими поклонами. Людо-
викъ на лѣвой сторонѣ разговариваетъ съ гер-
цогиней Монтеспанъ. Нѣсколько подале: Лууа и
д'Обилье. На правой группа придворныхъ.)*

БРИССАКЪ.

Ты слышалъ!

д'АРКУРЪ.

Слышалъ.

БРИССАКЪ.

За Расиномъ онъ
Сейчасъ послалъ!

1-й вельможа.

Да! это любопытно!

2-й вельможа.

Что скажетъ онъ ему?

3-й вельможа.

Мнѣ жаль Расина!

БРИССАГЪ.

Замѣтилъ-ль, какъ онъ все время былъ
Серьезенъ, недоволенъ?

Д'АРКУРЪ.

Съ креселъ всталъ,
Не подождавъ конца.

1-й вельможа.

Его навѣрно
Въ Бастилю упрячуть.

2-й вельможа.

Непремѣнно!

БРИССАГЪ.

Мнѣ кажется, что было-бъ очень кстати
Намъ изъяснить теперь же королю
Негодование наше на постунокъ
Неслыханный и дерзкій.

Д'АРКУРЪ.

Но однако
Рѣшится подойти къ нему!... И это
Ужъ будетъ нарушеньемъ этикета.

БРИССАГЪ.

Тутъ можно этикетъ забыть. Въ насъ голосъ
Чувствъ искреннихъ всего слышѣе. Я
Берусь его излить предъ королею (*подходитъ къ нему съ низ-
кими поклонами. Людовикъ его незамѣчаетъ.*)

1-й ВЕЛЬМОЖА (тихо 2-му).

Бриссакъ вездѣ успѣеть и найдется.

2-й ВЕЛЬМОЖА.

Прозазъ!

1-й ВЕЛЬМОЖА.

Бездѣльникъ! (окружаютъ короля; въ это время герцоге Шверезъ съ другой стороны подводитъ къ нему Расина, за которыми идутъ Буало и Мольеръ.)

ВЫХОДЪ VIII.

РАСИНЪ, БУАЛО, МОЛЬЕРЪ.

МОНТЕСПАНЪ (Людовику).

Государь! давно ужъ
Графъ де Бриссакъ вамъ кланяется нивко,
Угодно ли вамъ будетъ обернуться?

ЛЮДОВИКЪ.

Что вамъ угодно?

БРИССАКЪ.

Государь! Мы все
Отъ глубины души, отъ полноты
Любовью къ вамъ исполненныхъ сердець,
Поражены, огорчены, убиты
И просимъ, негодуя, наказать
Примѣрно дерзость автора, который... (взглядывая на Людовика,
остаиваивается.)

ЛЮДОВИКЪ (грозно).

Ну чтожъ вы стали, господинъ ораторъ?
Извольте продолжать! который...

БРИССАКЪ.

То есть
Который смѣлъ.... осмѣлился.... рѣшился!

ЛЮДОВИКЪ.

Но что же, наконецъ? —

БРИССАКЪ.

Представить намъ
Возлюбленнаго нашего монарха,
Который... кто... тѣмъ больше.. потому (*совершенно терлется*).

ЛЮДОВИКЪ.

Графъ де Бриссакъ!... довольно! берегитесь,
Чтобъ я вполнѣ не понялъ васъ!... Какъ смѣли
Имѣть вы столько дерзости, чтобъ сходство
Въ моихъ поступкахъ находить — и съ кѣмъ же?...
Какъ думать вы могли, чтобъ кто нибудь
Осмѣлился Людовика представить
Другимъ, аллегорическимъ лицомъ!...
Графъ де Бриссакъ! подобныя идеи
Больнымъ лишь могутъ въ голову придти.
Отправтесь въ ваши Мюрскія помѣстья!
Я васъ для поправленія здоровья
Сегодня же уволю отъ двора.

КОНДЕ.

О! Государь, вы истинно велики!

ЛЮДОВИКЪ (*ему тихо*).

Приницъ, мы другъ друга повяли! неправда!

ШЕВРЕЗЪ.

Я ваше повелѣнiе исполнилъ:
И авторъ ждетъ, предъ вами, приговора
Своей пiесъ.

ЛЮДОВИКЪ.

Господи въ Расинъ!

Я очень радъ васъ видѣть, и хотѣлъ

Вамъ лично благодарность принести
 За то, что вы доставили намъ столько
 Минутъ пріятныхъ — вашею піесой.

РАСИНЪ.

О! Государь! Я словъ ненавижу
 Вамъ выразить, что чувствую теперь.
 Я жизнь готовъ отлатъ, чтобы доставить
 Минуту удовольствія — герою,
 Великому Людовику. Ко мнѣ
 Вы слишкомъ снисходительны!....

ЛЮДОВИКЪ.

Нисколько!

Мы только справедливы. Вотъ, Маркиза,
 И госпожа Скарронъ — не разъ при сценахъ
 Британника и Юніа — тихонько,
 Скрывая слезы, плакали... Ахъ кстати —
 Скажите намъ — исторія въ піесѣ
 Вы съ точностью ли слѣдовали. Точноль
 Неронъ любилъ и пѣть и танцовать
 На сценѣ?

РАСИНЪ.

Государь! Тацятъ, Светоній

Его гораздо худшимъ представляютъ
 И я еще смягчилъ его характеръ.
 А то, что онъ любилъ передъ народомъ
 Играть на лирѣ, пѣть и танцовать
 Историки всѣ гласно подтверждаютъ.
 Но Римъ ему охотно бы простилъ
 Всѣ слабости, когда-бъ ихъ искупалъ онъ
 Дѣлами королевскими...

ЛЮДОВИКЪ.

Позвольте

Замѣтить вамъ: Неронъ былъ не король,
 А императоръ! что не все равно....

КОНДЕ.

Но главное—опъ былъ не человекъ!..
А тигръ!..

ЛЮДОВИКЪ.

Прошу васъ, господняъ Расинъ!

Давайте намъ подобныя пиесы
Какъ можно чаще. Я васъ приглашаю
Нашъ дворъ порою также посящать.
Быть можетъ въ немъ найдете лица вы
Для вашихъ драмъ. Теперь я попрошу
Последній актъ вачать. Я съ нетерпѣвьемъ
Узнать хочу, чѣмъ кончится пиеса.

(Всѣ расходятся по мѣстамъ).

Я моему двору васъ не представилъ
И безъ того вы знать его должны,
Здѣсь только есть всего одна особа,
Которую вы можете незнать.
Ее сегодня мнѣ мой Лувуа
Представилъ самъ—вдова Скарронъ!

РАСИНЪ.

Ее

При жизни мужа часто видѣлъ я.

ЛЮДОВИКЪ.

Скажите откровенно мнѣ — какого
Вы мнѣнія о ней?

РАСИНЪ.

Она всегда

Умомъ и острою отличалась
Но...

ЛЮДОВИКЪ.

Но?..

РАСИНЪ.

Женой она могла быть только
Такого шута, какъ Скарронъ. *(Людовикъ съ досадою отъ него отворачивается, д'Обинье, услышавшая эти слова, хочетъ подойти къ нему, Лувуа ее удерживаетъ).*

людовикъ, *(сухо)*.

Вы слишкомъ

Несправедливы въ ней! *(дѣлаетъ ему рукою знакъ прощанія, Расинъ въ недоумѣннн отходитъ съ низкими поклономъ).*

БАРОНЪ ДЕ НАНЖИ, *(подходитъ съ поклонами въ то время, когда всѣ стоятъ у своихъ мѣстъ).*

Позвольте, ваше

Величество узнать: угодно-ль будетъ Вамъ завтра репетировать балетъ, въ которомъ удостоили вы взять Роль Апполона, нль угодно будетъ Вамъ танцовать одво лишь ваше па?

людовикъ.

Любезный оберъ-церемоніймейстеръ!

Прошу васъ, роль мою отдать другому.

Впредь танцовать не буду я, ни завтра

И никогда. Прошу замѣтить это, —

И съ этихъ поръ—всѣхъ сценъ и представленій

Простымъ лишь будетъ зрителемъ Людовикъ!

(Садится на свое мѣсто, давая знакъ, чтобы всѣ сѣли.)

Франциска д'Обинье, проходя мимо Расина, говоритъ ему тихо:

Повѣрьте мнѣ, писатель знаменитый!

Что женщина, которая могла

Такого только шута, какъ Скарронъ,

Жевою быть — врагомъ непримиримымъ,

Великаго Расина можетъ быть!....

Гордо проходитъ. Расинъ остается въ недоумѣннн.

Занавѣсъ театра поднимается. Начинается пятый актъ Британники. На сценѣ Юлія и Британникъ).

(Занавѣсъ опускается.)

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

ПЕРВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ БЕРЕНИКИ.

(1670.)

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Людовикъ XIV.

Генриетта Англійская, герцогиня Орлеанская.

Расинъ, 31 года.

Принцъ Конде.

Маркизь Лувуа, министръ.

**Жанъ Бенинь Боссюетъ, великій раздаватель милостыни
и архіепископъ Парижа.**

Герцогъ де Лозенъ.

Корнель, 63 лѣтъ.

Марія Шанмеле, 19-ти лѣтъ.

Баронъ де Нанжи.

Виконтъ д'Аркуръ.

Маркиза Ментенонъ.

Герцогъ де Шеврезъ.

Мальчикъ.

Придворные, Пажы.

(Версальскій садъ. Посрединѣ фонтанъ Шюбси. Вдали блестятъ огни иллюминаціи, Пальво дерновая скамейка въ густой зелени. Полная луна отражается въ фонтанѣ).

ВЫХОДЪ I.

ГЕРЦОГЪ ДЕ ШЕВРЕЗЪ, БАРОНЪ ДЕ ПАНЖИ,
Д'АРКУРЪ.

д'АРКУРЪ. Какой удивительный вечеръ! И какъ жаль, что мы должны будемъ провести его въ душной залѣ, при блескѣ лампъ и кепкетовъ, задыхаясь отъ тѣсоты и жару.

герцогъ де шеврезъ. Неужели удовольствіе слушать новую пьесу Расина для васъ не можетъ замѣнить прогулки по-саду?

д'АРКУРЪ. Я не говорю этого, но согласитесь, что надобно имѣть много рѣшимости, чтобы въ такое время запереться въ четырехъ стѣнахъ и четыре часа слушать, что будутъ рассказывать господа актеры.

шеврезъ. Какъ видно, Виконтъ, что вы не поэтъ!

д'АРКУРЪ. Нисколько, герцогъ, я придворный!

шеврезъ. Въ полномъ смыслѣ этого слова! (къ Панжи). Скажите, баронъ, какой сюжетъ новой трагедіи Расина?

панжи. Навѣрно незнаю, герцогъ, это какая-то римская принцесса, которая по какимъ-то домашнимъ обстоятельствамъ не можетъ выдти замужъ за императора Тита. Говорятъ, что сюжетъ этотъ давнѣе Расину герцогиню Орлеанскую.

ШЕВРЕЗЪ. Это очень любопытно. Знаетъ ли только объ этомъ его величество?

НАНЖИ. Ни слова. Сегодняшній спектакль будетъ ему во всѣхъ отношеніяхъ сюрпризомъ. Распявъ даже пикому не читалъ своей пьесы.

д'АРКУРЪ. Не предувѣдомить ли его величество?

ШЕВРЕЗЪ. Советую вамъ сдѣлать это, любезный д'Аркуръ, если вы хотите раздѣлить удивленіе бѣднаго Бриссака, который умпраетъ теперь со скуки въ своихъ помѣстьяхъ.

д'АРКУРЪ. Но если это опять какая-нибудь аллегорія?

ШЕВРЕЗЪ. Во всякомъ случаѣ она не можетъ быть непріятна королю, потому—что изобрѣтена Орлеанскою герцогинею. Де Нанжи, вы по должности своей чаще видите короля. Скажите: правда ли, что онъ день и ночь бредитъ прекрасною Гевриеттою?

д'АРКУРЪ. И что мужу ея, въ числѣ прочихъ блистательныхъ наградаъ, послано милостивое позволеніе еще года на два остаться при арміи?

НАНЖИ. Господа! вы очень неосторожно выражаетесь. Развѣ вы не знаете, что настоящій придворный долженъ видѣть, слышать и знать только то, что ему позволено.

ШЕВРЕЗЪ. Но развѣ въ этомъ есть что нибудь дурное?

д'АРКУРЪ. Къ тому же мы здѣсь въ своемъ кругу. Постороннему челоуьку напримѣръ не нужно знать, что въ это же самое время маркиза Ментенонъ, надзирательница за дѣтьми его величества, купила себѣ огромное помѣстье...

НАВУСП. Вы меня извините, если я васъ оставлю. Въ моемъ званіи мнѣ неприлично слышать подобные разговоры. Вы, Ви-контъ—до-сихъ—поръ считаете себя общепнымъ, вы—герцогъ, слишкомъ разсѣяны—а я дорожу моимъ мѣстомъ и благосклонностью его величества! (*уходитъ*)

д'АРКУРЪ. Онъ перепугался не на шутку. Надобно его успокоить. Я иду за нимъ!

ШЕВРЕЗЪ. А я отправлюсь въ театръ. Сейчасъ начинаютъ.

д'АРКУРЪ. Вашъ слуга! (*раскланиваются и уходятъ.*)

ВЫХОДЪ II

ГЕНРИЕТТА, *въ черной полумаскѣ выходитъ съ правой стороны. За нею Людовикъ,*

ЛЮДОВИКЪ.

О, герцогиня! вы меня бѣжите?...
 Что значитъ страхъ вашъ? — Сбросьте эту маску,
 Къ чему скрывать прекрасныя черты?
 Я васъ узналъ сейчасъ же!

ГЕНРИЕТТА.

Государь!

Прошу васъ!.. умоляю! — вы ошиблись!..
 Я... я не та, кого искали вы! —

ЛЮДОВИКЪ.

Я не искалъ васъ—это правда! Вы
 Въ моихъ садахъ нежданно мнѣ явились,
 Мелькнувши свѣтлой тѣнью близъ меня.
 Я сердцемъ угадалъ васъ—я за вами,
 Забывши все на свѣтъ—побѣждалъ.
 Но вы, храня упорное молчанье,
 Хотѣли скрыться отъ меня. Теперь же,
 Когда я чудный голосъ васъ услышалъ,
 Вы все еще хотите обмануть
 Людовика...

ГЕНРИЕТТА.

О Боже! неужели
 Я отъ него не скроюсь нигуда!

ЛЮДОВИКЪ.

Да! нигуда! Вы будете вездѣ
 Въ моихъ владѣнняхъ. Скройте изъ Европы,
 Бѣгите вы въ другія части свѣта, —
 И я мои владѣннн раздвину

До краевъ міра, чтобы васъ пзѣ ннхъ
Не выпустить...

ГЕНРИЕТТА.

Но я тогда найду
Дорогу въ небо, чтобы отъ васъ спастись!

ЛЮДОВИКЪ.

О Генриетта, вы меня боитесь!
Я ненавижу васъ...

ГЕНРИЕТТА.

Мой Богъ! Мой Богъ!
За чѣмъ я такъ несчастна?

ЛЮДОВИКЪ.

Генриетта!

Одно лишь слово—и найдемъ мы небо
Здѣсь на землѣ!.. Я знаю! чувствъ своихъ
Скрывать ты немогла и неумѣла! —
Я знаю все!.. Ты слышишь—взглядъ одинъ!...
И я пойму! Прочь эту маску!

ГЕНРИЕТТА.

Боже!

Спаси меня! Дай силы мнѣ!.. Людовикъ!..

ЛЮДОВИКЪ.

О, Генриетта! это имя! да!
Передъ тобою не король теперь!
Забудь мой санъ, забудь, что мы съ тобою
Разлучены завистливой судьбою....
Все, все забудь и помни только то,
Что безъ ума тебя Людовикъ любить,
Что любишь ты сама его...

Расинъ.

ГЕНРИЕТТА.

О Боже!

Я немогу, я недолжна, несмью!
Любовь моя была бы преступленьемъ,
Грѣхомъ тяжелымъ.

ЛЮДОВИКЪ.

Грѣхъ падеть на тѣхъ,
Которые принудили тебя
Отдать другому руку, а любовь
Смывается въ проступки. Для любви
Насъ создалъ Богъ! — забудь въ моихъ объятяхъ
Людей, природу—цѣлый миръ. Смотри,
Передъ тобой Людовикъ на коленяхъ,
Тебя онъ умоляетъ о любви.
Въ безумной этой страсти я забылъ
О благѣ государства, о народѣ,
Который мнѣ врученъ самимъ Творцемъ.
Дай счастье Людовику!... Съ нимъ вмѣстѣ
Вся Франція тебя благословить.
Молю! одно лишь слово!.. Генриетта!
Меня ты любишь?...

ГЕНРИЕТТА.

Помоги, Творецъ!

Еще минуту — я сама погибну,
И увлеку его съ собой въ погибель!
Людовикъ! Государь!.. я умоляю!
Вы ждали долго!.. часъ! о только часъ —
И я вамъ дамъ рѣшительный отвѣтъ.
Теперь васъ ждутъ въ театрѣ. По окончаньи
Піесы, здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ
Я жду васъ!..

ЛЮДОВИКЪ.

Генриетта! Я готовъ
Исполнить вашу волю.

ГЕНРИЕТТА.

А теперь

Прошу васъ вновь; оставьте Генриетту,
Собратъ ея растерянные силы
И помолитесь Богу!

ЛЮДОВИКЪ.

Я иду

Но черезъ часъ...

ГЕНРИЕТТА, *(умоляющимъ голосомъ.)*

Какъ кончится пѣса!

ЛЮДОВИКЪ.

Какъ кончится пѣса! *(уходитъ)*ГЕНРИЕТТА, *(бросаясь на колѣна.)*

О Творецъ!

Благодарю! Ты въ этотъ страшный часъ
Отъ преступленья спасъ меня!.. Людовикъ!
Когдабъ ты зналъ, какъ въ этомъ бѣдномъ сердцѣ
Сильна любовь къ тебѣ, когдабъ ты зналъ,
Что стоило ее мнѣ побѣдить!...
Но гдѣ же онъ — спаситель мой? Что если
Урокъ нашъ неудастся? Нѣтъ, Людовикъ
И добръ, и благороденъ, онъ пойметъ!...

ВЫХОДЪ III.

РАСИВЪ, ЛУВУА.

ГЕНРИЕТТА.

Расивъ! о! наконецъ я вижу васъ!
Скажите, что пѣса?

Расинъ.

РАСППЪ.

Началась!

Васъ всюду ищутъ.

ГЕНРИЕТТА.

Но, Расинъ, скажите,

Увѣрены ли вы въ успѣхъ, въ томъ,

Что вашу мысль и цѣль пойметъ Людовикъ?

(Луиза входитъ осторожно, осматривается, и видя, что его не замѣчаютъ, скрывается за кустами)

РАСИНЪ.

Я немогу ручаться, герцогиня!

Я сдѣлалъ все, что вы мнѣ приказали.

Въ трагедіи развилъ я сколько могъ

Прекрасныя, возвышенныя мысли,

Которыя вы сами мнѣ внушили.

И чувство долга, чувство благородства

Поставилъ выше истинной любви:

И если Титъ великъ душой и сердцемъ —

Навѣки онъ покинетъ Беренику.

ГЕНРИЕТТА.

Расинъ! я вѣрю! вы его спасете

Со мною вмѣстѣ! вы спасете насъ

Отъ страшнаго, тяжелаго грѣха,

Отъ поздняго раскаянья!—Расинъ,

Вотъ истинная цѣль, вотъ назначенье

Поэзіи! Призванье ваше въ міръ

Завидно и высоко!

РАСИНЪ.

Герцогиня!

Вы пожалуйста лучше о Расинѣ.

Завидовать грѣшно ему!

ГЕВРИЕТТА.

Вы также
Несчастливы!.. Но Творецъ за подвигъ вашъ
Пошлетъ вамъ утѣшенье!

РАСИНЪ.

Герцогиня!

Я въ жизни утѣшенія не жду.
Такъ пусть хоть *тамъ*, найду себѣ отраду!

ГЕВРИЕТТА.

Я знаю все—вы также влюблены;
Но безнадежно, въ хитрую кокетку,
Которая не стоитъ васъ. Я знаю,
И что любовь свою забыть хотите
Вы въ вымыслахъ поэзіи прекрасной.
Вотъ почему всегда стихи Расина
Высоки, сильны, какъ любовь его,
Вотъ почему для выраженья страсти
Глубокой и возвышенной—Расина
Я всю—всѣхъ поэтовъ избрала.

РАСИНЪ.

Сперва избравши стараго Корнеля!

ГЕВРИЕТТА.

Расинъ, я васъ тогда еще не знала,
И, вѣря прошлой славѣ, поручила
Корнелю Беренку написать.
Но гордый умъ, въ страданіяхъ окрѣпшій,
Не понялъ чувства тонкаго любви,
И стихъ его суровый и холодный
Могъ поразить, а не растрогать сердце.
И къ вамъ я обратилась тогда....
Вы поняли меня! Могъ мечтамъ
Вы дали жизнь, и смутныя идеи
Роскошными стихами облекли....
Вы руку дали мнѣ на трудный подвигъ.

Вамъ буду я обязаа спасеньемъ;
 Людовикъ—чистымъ пиемемъ въ страницахъ
 Исторіа, литература—новымъ
 Провзеденьемъ, истинно-прекраснымъ,
 А Франціа—спокойствіемъ и счастьемъ.
 Расинъ! Расинъ! о вашей Береникѣ—
 Повѣрьте мнѣ, потомство не забудетъ,
 И долго, долго будетъ міръ смотреть
 Піесу съ благородной, чистой цѣлью!
 Васъ вся одѣнать. Дайте вашу руку!
 Вы благородный, добрый человекъ, *(Расинъ падаетъ
 на колѣни и цѣлуетъ ея руку)*
 И если бѣдной жертвы грѣшной страсти
 Дойдетъ на небо теплая молитва, —
 Расинъ вновь будетъ счастливъ. *(Кладетъ ему руку на голо-
 ву, потомъ медленно уходитъ. Расинъ
 остается на колѣнахъ)*

РАСИНЪ

Въ небесахъ!

Не на землѣ. Права была Марія...
 И мечь ея убьетъ меня. Давно,
 Ужъ больше года, ревность и печаль
 Меня терзаетъ; больше года мучитъ
 Меня Марія. До-сихъ-поръ я вижу
 Одно ея кокетство—что-же будетъ,
 Когда ея измѣну я увижу?..
 Не дай Господь увидѣть мнѣ ее! *(уходитъ медленными
 шагами)*

ЗУВУА *(выходитъ изъ-за кустовъ)*

Ушелъ! Наслу! Я—должно признаться —
 Прекраснымъ занимаюсь ремесломъ:
 Изъ-за кустовъ подслушиваю бредни
 Помѣшанной и глупаго поэта,
 Я—короля любимецъ и министр!
 Но что же дѣлать—горлой Ментеновъ
 Немножко подслужиться не мѣшаетъ....

Кто знаетъ, до чего она достигнетъ,
 Какъ далеко поидетъ! Къ тому же дѣло
 Довольно щекотливое; другому
 Опасно было поручить его.
 Вотъ и она!.. (расклавивая) маркиза!

ВЫХОДЪ IV.

МАРКИЗА МЕНТЕНОВЪ, ЛУВА.

МЕНТЕНОВЪ.

Чтожъ, Нанжи,

Скажите, что открыли вы?

ЛУВА.

Пустое!..

Вамъ ложно донесли; — о герцогиня
 Не думаетъ нисколько стумасшелшій.
 Онъ бредитъ все кокеткой Шанмеле,
 А герцогиня плачетъ тихомолкомъ,
 Вздыхая о Людовикъ.

МЕНТЕНОВЪ.

За чѣмъ же

Они здѣсь ночью видѣлись, въ саду,
 О чемъ ихъ разговоръ былъ?

ЛУВА.

О піесѣ,

Объ этой Береникѣ. Вотъ что правда—
 Онъ написалъ по просьбѣ герцогини
 Трагедію, съ намеками на слабость
 Велкаго Людовика. Они
 Увѣрены, что просмотра піесу,

Т. VII. Отд. I.

Растанется онъ тотчасъ съ герцогиней,
 Какъ Титъ разстался съ этой Береникой,
 И больше ничего.

МЕНТЕНОВЪ.

Когда бы это

Расинъ придумалъ съ моего совѣта
 И испросилъ согласіе мое,
 Я можетъ быть моглабъ ему простить
 Тѣ дерзкія слова... Теперь хотя
 Онъ ноступаетъ очень хорошо
 Для нравственности чистой, для спасенія
 Души; по—постарайтесь Лувуа,
 Чтобы его піеса не имѣла
 Успѣха на Парижской сценѣ

ЛУВУА.

Это

Не такъ легко, Маркиза.

МЕНТЕНОВЪ.

Еслибъ было

Легко—тогдабъ я васъ и не просила.
 Но точноль вы увѣрены однако,
 Что ни слѣда пнтригв пль любви
 Нѣтъ между ними?

ЛУВУА.

Въ этомъ точно также

Увѣренъ я, какъ въ томъ, что только съ жизнью
 Къ вамъ прекратится преданность моя.

МЕНТЕНОВЪ.

Теперь—Маркизъ пойдемте въ залу. Тамъ
 Отсутствіе мое могли замѣтить.
 Все это—разумется должно
 Остаться между нами.

ЛУВГА, (подавая ей руку.)

О! Маркиза!

Я былъ бы счастливъ, еслибъ между нами
Другія тайны были, по-важныѣ.

МЕНТЕНОНЪ.

Молчите!.... (уходятъ)

ВЫХОДЪ V.

РАСИНЪ ПОТОМЪ ЛОЗЕНЪ И ШАНМЕЛЕ,

РАСИНЪ.

Нѣтъ! я не ошибся! Боже!

Она! п съ ппмъ!.. Я ихъ неожиданно встрѣтилъ,
Они и незамѣтили меня....

Идутъ сюда... Я ихъ предупредилъ....

Здѣсь въ зелени кустовъ скамейка есть,

Здѣсь я могу все слышать, все! мой Богъ!

Увижусь въ первый разъ; за ними стану

Подслушивать, посматривать.... Быть можетъ

Открою все—быть можетъ вмѣсто страсти

Презрѣнныя поселятся въ этомъ сердцѣ...

Они! дай силъ мнѣ все свести, Творецъ!... (прячется.)

ЛОЗЕНЪ (ведя Шанмеле).

Скажите мнѣ, жестокая Марія,
Когда конецъ страдапіямъ моимъ?

ШАНМЕЛЕ.

Скажите мнѣ, блистательный мой герцогъ,
Когда конецъ преслѣдованіямъ вашимъ?

ЛОЗЕНЪ.

До самой смерти я не перестану
Васъ обожать.

ШАВМЕЛЕ.

Тогда мнѣ остается
Судьбу молить, чтобы отъ васъ меня
Освободила....

ЛОЗЕНЪ.

Смертью?

ШАВМЕЛЕ.

Для чего?

Судьба всевластна — у нея другія
Въ запасъ средства есть — вотъ, напримѣръ,
Женитьба — таже смерть — когда хотите ;
Но только смерть моральная, съ которой
Поэзія и вѣжностямъ — конецъ.

ЛОЗЕНЪ.

Попытайте, я васъ не понимаю!
Я цѣлый годъ, почти что каждый день,
Вамъ предлагаю страстную любовь,
И все мое пмѣніе въ придачу
За вѣжную взаимность

ШАВМЕЛЕ.

Что мнѣ въ нихъ?

Въ любви у васъ — пустылъ увѣренность,
Въ пмѣніи — одни долги!

ЛОЗЕНЪ.

Клянусь вамъ,
Что страсть моя, что искреннее чувство...
Здѣсь въ зелени кустовъ скамейка есть!
Намъ будетъ говорить удобнѣй свѣдѣ.

ШАНМЕЛЕ.

Благодарю васъ! Я и такъ сидѣла
Почти два акта, слушая піесу.

ЛОЗЕНЬ.

Ахъ! кстати, отчего вы не хотѣли
Взять Береники роль?

ШАНМЕЛЕ.

Расинъ нашель,
Что я для роля нѣжной героини
Не создана, — вотъ почему сегодня
Въ кругу моихъ подругъ была простою
Я зрительницей скучной.

ЛОЗЕНЬ.

Развѣ вамъ
Не нравятся піеса?

ШАНМЕЛЕ.

Нѣтъ! — Расину
Смѣшно въ сентиментальности пускаться,
И я зъвала, сидя межъ кулисъ,
Отъ жалобъ монотонной Береники;
Вы предложили мнѣ въ саду пройтися,
И я вполнѣ надѣясь, что меня
Развеселите вы — вдругъ обманулась
Жестоко: — вотъ ужъ съ полчаса, какъ вы
Идиллію читаете мнѣ тоже,
Еще скучнѣе.

ЛОЗЕНЬ.

Да! такъ возвратимся
Къ тому, что говорилъ я, — Вы меня
Рѣшительно не любите?

ШАНМЕЛЕ.

Я вамъ,
 Мнѣ кажется, разъ десять говорила,
 Что я... (увидя Расина) (Расинъ!) Люблю васъ всею душой!

РАСИНЪ.

О Боже!

ЛОЗЕНЪ.

Что я слышу! Неужели?
 Возможно ли? И это все не шутка.

ШАНМЕЛЕ.

Но можно ли шутить любовью, герцогъ!
 Ужели вы въ словахъ мовхъ, въ поступкахъ,
 Не угадали той глубокой страсти,
 Которой я всегда горѣла къ вамъ.

ЛОЗЕНЪ.

Конечно!... Признаюсь!.. Я не думалъ!
 (Мнѣ кажется, что это не шутка.....
 Она дрожитъ, растрогана, въ волненьи.)

ШАНМЕЛЕ.

(Она вѣрить радъ! Къ тому же, это можетъ
 Порядочно Расина побьесить.)

ЛОЗЕНЪ.

Вы замолчали?

ШАНМЕЛЕ.

Что мнѣ вамъ сказать?
 Хотя я должна была скрывать отъ васъ
 Мою любовь, — во видя какъ глубоко,
 Какъ пламенно вы любите меня,
 Съ терпѣніемъ снося мое кокетство,

Которымъ я испытывала васъ, —
Я, наконецъ рѣшилася признаньемъ
Вознаградить за всѣ страданья васъ.

ЛОЗЕНЪ.

Такъ это все лишь испытаньемъ было?
А я васъ въ легкомысліи, въ кокетствѣ
И въ вѣтренности часто упрекалъ....
Простите ли меня?

ШАНМЕЛЕ.

Я все прощаю!
Мы счастливы теперь! чегожъ намъ больше?

ЛОЗЕНЪ.

О! не совсѣмъ! скажите мнѣ, когда же
Вы предложеніе примете мое.

ШАНМЕЛЕ.

Сегодня вамъ рѣшительный отвѣтъ
Я дамъ — теперь отправитесь смотреть,
Какъ плачетъ Береника. Здѣсь другимъ
Мы можемъ плакать помѣшать! Пойдемте! *(уходятъ.)*

РАСНЪ.

Всему конецъ! Мой Богъ! о какъ жестоко
Наказанъ я! зачѣмъ же не далъ Ты
Мнѣ — твердости, чтобъ могъ я за пѣмъну
Презрѣніемъ холоднымъ завлечь?...
Но нѣтъ — чѣмъ я несчастнѣй, тѣмъ сильнѣе
Любовь терзаетъ сердце — о скорѣй!
Туда! — тамъ похвалы, рукоплесканья,
Заставятъ позабыть мои страданья!

ВЫХОДЪ VI.

КОРНЕЛЬ И МАЛЬЧИКЪ, (выходятъ на вступку Расину.)

КОРНЕЛЬ.

Мой другъ! дай свяжнмъ возлухомъ садовъ
Мпнуту подышать мнѣ — и потомъ
Сведи меня опять на мой чердакъ,
Который ябъ не долженъ оставлять.

РАСИНЪ. (Отступал)

Корнель!

КОРНЕЛЬ.

Кто здѣсь? вы знаете меня?

И потому простите мнѣ, что я
Безъ приглашенья, незванный — явился
Въ театръ Версальскій. Видать я хотѣлъ
Трагедію, которую пиесъ
Корнеля предпочли одногласно.
Суфлеръ — мой старій другъ — онъ мѣсто далъ
Въ своей копуркѣ старому Корнелю,
И сына далъ, чтобъ проводить меня
На мой чердакъ!....

РАСИНЪ.

Но неужли пиеса

Оковчплась?

КОРНЕЛЬ.

Три акта видѣлъ я,

И этого съ меня довольно было;
Я долѣ немогъ перенести
Такого униженія искусства!...

РАСИНЪ.

Я этого не ждалъ. Такъ Береника...

КОРНЕЛЬ.

И вздорная и слабая пьеса!

МАЛЬЧИКЪ.

Эй! дѣдушка! ты не брани пьесы,
Вѣдь это еочинитель самъ.

КОРНЕЛЬ.

Расинъ!

Мои слова ты слышалъ. Я отъ нихъ
Не откажусь!

РАСИНЪ.

Корнель! ужель съ тѣхъ поръ,
Какъ въ первый разъ мы видѣлись съ тобою,
Ты объ моихъ пьесахъ, обо мнѣ,
Такогожь точно мнѣнія?

КОРНЕЛЬ.

Старикъ

Корнель не ошибался никогда!
Что сдѣлалъ ты съ-тѣхъ-поръ? Въ угоду знатымъ
И Королю въ Британникѣ твоемъ,
Ты искажилъ характеры Перона
И Агриппины — Римляне твои,
Французскіе придворные — и нынче
Какъ съ каждою трагедіей, Расинъ,
Ты падаешь все ниже! Я не вѣрилъ
Своимъ ушамъ! — и это Титъ, и это
Народъ могучій съ волею жельзной,
И это царь вселенной — гордый Римъ! —
Три акта слезъ и жалобъ и стenanій;
Ни дѣйствія, ни сильныхъ положеній,
Ни интереса, ни эффектныхъ сценъ! —
И дворъ въ восторгъ хлопаешь и плачешь!...
Расинъ — тебѣ совѣтовалъ я прежде
Оставить сцену, неписать трагедій.
Я былъ неправъ — теперь я вижу ясно,
Что для подобной публики какъ эта —
Писателя ненадобно другаго,

Довольно и Расина ей. Она
 Тебя прославить геніемъ великимъ!
 Вполнѣ постигъ ты вѣкъ нашъ. Для него.
 Ты созданъ. Не понять ему Корнея,
 Такъ для него пиши Расинъ! — (мальчику) Мой другъ!
 Пойдемъ! сведи меня на мой чердакъ
 Надъ Римскою исторіей. поплакать! (уходитъ).

РАСИНЪ.

Любовь и слава! — Бѣднаго Расина
 Все покидаетъ! всѣмъ обмануть я,
 Во всемъ разочаровываться долженъ.
 Мой Богъ! въ тебѣ одномъ теперъ мое
 Прибѣжище и сила. Только вѣра
 Расина отъ отчаянья спасеть.
 Кого я вижу?.. онъ! да это онъ!
 Сама судьба его мнѣ посылаеть,
 Великаго, святаго человѣка,
 Извѣстнаго высокими дѣлами
 И жизнію примѣрно христіанской,
 Заступника всѣхъ грѣшниковъ несчастныхъ —
 Къ нему! къ нему! Расина онъ спасеть.

ВЫХОДЪ VII.

БОССЮЭТЬ, (идеть медленно черезъ сцену.)

РАСИНЪ (бросаясь къ нему).

Отецъ мой, передъ вами слабый грѣшникъ!
 Терзаемый отчаяньемъ ужаснымъ.
 Отъ вашихъ наставленій, словъ спасенья, —
 Онъ ищетъ облегченія. Отецъ!
 Бесѣдой вашей мудрой успокойте
 Вздошавшую душу, укажите
 На жизненной дорогѣ лучшей путь
 Къ спокойствію и счастью.

БОССЮЭТЬ.

Мой сынъ!

На жизненномъ пути тропинокъ много,
Хоть всѣ ведутъ къ одной и той же цѣли.
Когда ты самъ избралъ тернистый путь,
То не ропщи — и крестъ неси съ терпѣньемъ.

РАСИНЪ.

Я не ропщу! — моей дорогой трудной,
Къ могилѣ я дойду, хоть на козняхъ,
Но неужли измученный, усталый,
Я немогу намигъ остановиться
И попросить, чтобъ подкрѣпили сердце
Словами міра, вѣры и молитвы
Служители Творца и алтаря?...

БОССЮЭТЬ.

Есть люди — и за нихъ молитва Богу —
Тяжелый грѣхъ. Пути есть въ этой жизни,
Къ которымъ тотъ, кто Бога чтитъ душой,
Не долженъ приближаться. Кто ты, сынъ мой?

РАСИНЪ.

Я думалъ, чѣмъ на свѣтѣ слабый грѣшникъ
Несчастнѣй, тѣмъ ходатайство объ немъ
Теплѣе быть должно передъ Всевышнимъ!...

БОССЮЭТЬ.

Не вамъ, сынамъ грѣха и суеты,
Судить о томъ, какъ долженъ поступать
Служитель чистой истины? Кто ты?

РАСИНЪ.

Расинъ!

БОССЮЭТЬ, *(отступая)*.

Расинъ!

Писатель тѣхъ трагедій,
Которыя сбѣгается смотрѣть
И дворъ и весь Парижъ!

РАСИНЪ.

Онъ самъ!

БОССЮЭТЬ.

Несчастнѣй!

Прочь отъ меня!

РАСПИВЪ.

Мой Богъ! что сдѣлазъ я?...

Въ чемъ я виновенъ?

ВОСКЮЭТЬ.

Въ чемъ виновенъ ты?

А ты забылъ слова писанья: горе
 Тому, черезъ кого приходитъ въ мiръ
 Соблазнъ! Не ты-ль пiесами своими
 Соблазнъ въ семействахъ мирныхъ поселяешь,
 Опасныя въ нихъ страсти расплаешь
 Позорными картиннами связей
 Постыдныхъ и преступныхъ. Горе! горе!
 Ты сдѣлазъ лъстецомъ людскихъ страстей,
 Ты служишь гнуснымъ идоламъ—и смѣша
 Просить меня о мiрѣ и спасеньи!...
 Самъ Богъ тебя казнитъ за преступленье!
 И въ осѣпленьи жалкомъ, ты не видишь
 Его, руки, карающей тебя.
 Прочь отъ меня! — У трона Бога славы
 Нѣтъ мѣста для писателей трагедiй,
 Нѣтъ на землѣ молитвы за него, *(уходитъ)*

РАСИВЪ.

И онъ!.. и цѣльцi мiръ и даже небо —
 Все на Расина! Боже! положи
 Конецъ моимъ страданьямъ. Этнхъ мукъ
 Я вынести не въ силахъ. — Идутъ!... Прочь!...
 Я немогу присутствiя людей
 Сносить, въ моемъ ужасномъ положеньи!
 Туда! въ аллеи темныя! тамъ булу
 Молиться я, и плакать на простарѣ,
 При людяхъ грусть сильнѣй, ужаснѣй горе! *(убыаетъ.)*

ВЫХОДЪ VIII.

ГЕНРИЕТТА, ПОТОМЪ ЛЮДОВИКЪ.

ГЕНРИЕТТА (*вбѣгаетъ, и видя, что она одна, бросается на колѣни*).

Нѣтъ никого!... Наседниѣ съ Творцомъ
 Могу я слезы радости пролить,
 А люди бы не поняли меня!
 Благодарю, мой Богъ! благодарю!...
 Ты спасъ меня, ты спасъ его!... Людовикъ
 Былъ тронуть, былъ взволнованъ... О! теперь
 Могу смотрѣть я на него спокойно!...
 Порывы чувства улеглись въ груди,
 Одной тоскою бьется это сердце,
 Огонь страстей въ глазахъ слезами заить.
 Благодарю, мой Богъ, благодарю!

ЛЮДОВИКЪ (*входитъ растроганный и задумчивый. Увидя ее на колѣняхъ, онъ останавливается.*)

Вы молитесь?... молитесь герцогиня!
 И не забудьте помянуть въ молитвѣ
 О грѣшникѣ Людовикѣ, который
 Не смѣетъ взоръ на небо возвести.

ГЕНРИЕТТА.

О государь! одинъ порокъ къ землѣ
 Чело и очи темныя склоняетъ.
 Раскаяніе истинное — смѣло
 Глядитъ на небо, ждя его прощенья.

ЛЮДОВИКЪ.

Я вдвое васъ виновнѣй, Генриетта!

ГЕНРИЕТТА.

Нѣтъ! оба мы равно виновны были.
 И оба вмѣстѣ будемъ прощены!

Я васъ любилъ!... Для чего скрыватьсь,
 Я до-сихъ-поръ люблю тебя, Людовикъ,
 И небоюсь признаться въ этомъ. Видишь,
 Какъ я въ тебѣ увѣрена!... Чѣмъ жертва,
 И тяжелѣи и больше — тѣмъ награда
 Насъ большая на небѣ ожидаетъ.

ЛЮДОВИКЪ.

И мы должны растаться?

ГЕНРИЕТТА.

Навсегда!

Такъ долгъ велитъ, такъ честь велитъ, Людовикъ!
 Въ послѣдній разъ мы видимся съ тобой.
 Прости на вѣкъ.

ЛЮДОВИКЪ.

На вѣкъ!... О! Генриетта,

ГЕНРИЕТТА.

Что вижу? слезы!.. Неужели я
 Должна сказать тебѣ, какъ Береника:
 «Какъ, императоръ ты — и плачешь!»

ЛЮДОВИКЪ.

Да, я плачу

И не стыжуся слезъ своихъ! Ужели
 Меня ты оставляешь?...

ГЕНРИЕТТА.

Бѣдный другъ!

Ты слышалъ, что въ послѣднемъ монологѣ,
 Рыдая, Береника говорила:
 Къ чему мнѣ повторять ее слова?
 Ты вспомни — на тебя обращены
 Теперь глаза народа и потомства.
 Исторія, готовяся внести
 Постунокъ славный на свои страницы,
 И видя нерѣшительность твою,

Качаетъ недовольно головою.
 Ты мужъ, отецъ! — и я супруга также,
 Супруга брата твоего — Людовикъ,
 Что я еще должна тебѣ сказать?

ЛЮДОВИКЪ.

Да, ты права! и мы должны разстаться!
 Бѣги! бѣги!

ГЕНРИЕТТА.

Будь мужемъ! государь!
 Припомни монологъ послѣдній Береники:

«Прости! безумною любовію горя,
 Ты знаешь, я въ тебѣ любила не царя,
 Не славу цесаря, не царскую порфиру!
 И сердце отдала я не владыкѣ міру;
 Теперь съ тобой на вѣкъ растаться я должна.
 Далеко отъ тебя страдать осуждена,
 Съ терѣньемъ буду я тоску сносить до гроба!...
 Прощай мой государь! и пусть мы будемъ оба
 Примѣромъ пламеннымъ, возвышеннымъ сердцамъ,
 Въ святой покорности и долгу и богамъ!»

ЛЮДОВИКЪ.

Прости!... Въ послѣдній разъ, о, Генриетта!
 Позволь поцѣловать чело святое
 Послѣднимъ, чистымъ, братскимъ поцѣлуемъ!

ГЕНРИЕТТА.

Людовикъ! я сама тебѣ готова
 Дать первый поцѣлуй — который будетъ
 Послѣднимъ въ нашей жизни (*Людовикъ становится на колѣни. Она цѣлуетъ его.*)

ЛЮДОВИКЪ.

Генриетта!

Твой поцѣлуй далъ вновь мнѣ жизнь и силу!...
 Залогъ святаго примиренья съ небомъ,
 Тебя я забуду никогда!

Ты съ сердца снялъ грѣха тяжелый камень!
 О, Генриетта, ты какъ чистый ангелъ,
 Всегда жить будешь въ этомъ бѣдномъ сердцѣ,
 Храни его отъ злыхъ и грѣшныхъ чувствъ.

ВЫХОДЪ IX.

де наи жи, потомъ конде, расинъ и весь дворъ.

людовикъ, (*увидя Пажжи, который уже давно издали
 раскланивался, не смѣя подойти.*)

Баронъ, что вамъ угодно?

Пажжи.

Государь!

По приказанью вашему, Расина
 Вездѣ искалъ я, — но нигдѣ не могъ
 Найти, къ несчастью!

людовикъ.

О! его я долженъ,
 Хочу увидѣть непременно. Я
 Ему обязанъ очень многимъ.

принцъ конде, (*ведя за руку Расина*).

Вотъ онъ!

Вотъ авторъ Беренки.

генриетта, (*подходя къ Расину, тихо ему*):

И спаситель

Людовика и Генриетты!...

расинъ.

Боже!

Дай силы мнѣ!...

ЛЮДОВИКЪ.

Распнъ! благодарю васъ
 За вашъ прекрасный трудъ, но вдвое больше,
 За цѣль его прекрасную. Ее
 Достигли вы вполнѣ! Познаю, чѣмъ
 Вознаградить васъ. При моемъ дворѣ
 Придворнаго поэта мѣста нѣтъ;
 Но всякій день желая видѣть васъ,
 Я дѣлаю моимъ исторіографомъ.
 И это только слабая награда
 За благородный трудъ, за вашъ талантъ.
 Поэтъ великій — вашу руку! — *(Распнъ, молча, падаетъ
 на колѣни, Людовикъ поднимаетъ его.)*

Нѣтъ!

Не на колѣвахъ долженъ принимать
 Талантъ — земныхъ монарховъ благодарность. *(Отступал,
 и снимая шляпу).*

Почтите въ немъ избранныка Творца!
 Привѣтъ тебѣ, великій нашъ Распнъ —
 Нашъ первый драматическій писатель!

всѣ.

Привѣтъ тебѣ, великій нашъ Распнъ!
 Нашъ первый драматическій писатель! —

распнъ, *(ослабѣвал).*

Благодарю мой Богъ! мнѣ эта
 Меня за все, за все вознаградила.
 Богъ истинная жизнь цѣль, и цѣль
 Поэзіи: — спасать отъ заблужденій!
 Я вѣрю, Богъ за то проститъ Распна,
 Поэтъ на свѣтѣ не безъ пользы жилъ. *(Падаетъ безъ чувствъ)*

ЛЮДОВИКЪ.

Мой Богъ, что съ нимъ!... *(Всѣ окружаютъ его).*
 Т. VII. Отд. I.

ПРИНЦЪ КОНАЕ.

Избытокъ чувствъ, волненье!...

Не беспокойтесь, радость неопасна!

МОНТЕСПАНЪ, *(тихо Лувуа).*

Но за мнвуту радости заплатятъ

Годами мукъ и горести Расинъ.

(Лувуа почтительно кланяется. Всѣ хлопочутъ около Расима.)

(Занавѣсъ падаетъ).

КАРТИНА IV.

ПЕРВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ФЕДРЫ.

(1677.)

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Расинъ, 38-ми лѣтъ.

Луиза Дюпаркъ, 25-ти.

Клодъ Лансело, 60-ти.

Жиль Менажъ, 36-ти.

Буало, 41-го.

Жанъ Расинъ, Парламентскій Совѣтникъ, 60-ти лѣтъ.

Марта Дюбелле, его родственница, 22-хъ лѣтъ.

Придворный камердинеръ.

Небольшая комнатка въ домъ Расина. На право столъ, заваленный книгами; за нимъ сидитъ Лансело, безъ парика, въ одномъ камзолъ, и пишетъ. На лѣво софа, на ней Луиза Дюпаркъ. Передъ софою маленькій столикъ со свѣчами и женскими рукодѣльемъ.

ВЫХОДЪ I.

Луиза, Лансело.

Луиза. Девять часовъ — а Расина все еще не видать. Зачѣмъ не позволилъ онъ мнѣ посмотреть Федру! Что если предсказанія его сбылись, что если піеса его упала?

Лансело. Вы кажется говорите про Федру, думаете что она упала. Развѣ Федра можетъ упасть, развѣ вы не знаете, кто написалъ Федру?

Луиза. Кто? разумеется Расинъ!

Лансело. Какой Расинъ — совсѣмъ не Расинъ! Написалъ ее великій, бессмертный Эврипидъ, а Расинъ перевесъ только на вашу почву роскошныя цвѣты Эллинаской поэзіи. Но онъ не вполне постигъ всѣ красоты божественнаго Эврипида. Нѣтъ! нѣтъ! ему еще многого недостаетъ. Еслибъ онъ могъ понимать его, какъ я понимаю; еслибъ онъ звалъ, что духъ Эврипида переселился въ меня, что Эврипидъ здѣсь — въ этой комнатѣ, сидитъ подлѣ него, объдастъ вмѣстѣ съ нимъ — онъ бы сошелъ съ ума отъ восторга, или нѣтъ — онъ бы началъ мучить меня, терзать меня, выпытывать у меня секретъ, какимъ образомъ пишу я мои бессмертныя трагедіи. Нѣтъ! я не открою его, я не отдамъ людямъ тайны, которую вручилъ мнѣ сынъ Латоны

при моемъ рожденіи. Я умру съ этой тайной. Плачь Греція! плачь образованный міръ. Мамзель Лупза! не открывайте людямъ, что я Эврипида. Люди злы, люди жестоки; они убьютъ меня, какъ убили Орфея, какъ убили Алкея и Стезихора.

ЛУПЗА. Хорошо! хорошо! Я не скажу никому! только сдѣлайте одолженіе, успокойтесь! сядьте на свое мѣсто! а не то я отпущу у васъ всѣ книги — и не дамъ вамъ бумаги и перьевъ.

ЛАНСЕЛО. Нѣтъ! нѣтъ! я буду молчать! я буду спать смѣрно. Дайте сюда моего Эврипида — я еще не выучилъ наизусть пятого дѣйствія Гераклидовъ, я сейчасъ кончу — я буду послушенъ, не скажу ни слова. Черезъ полчаса вы можете спросить у меня урокъ, я буду знать его прекрасно, лучше всей школы. Буду лучшимъ ученикомъ. *(Садится и пишетъ).*

ЛУИЗА. Бѣдняжка! и зачѣмъ я заговорила про трагедію. Онъ очень здраво разсуждаетъ объ другихъ предметахъ; но только зайдетъ рѣчь объ театрѣ, а особливо объ Эврипидѣ, — онъ опять начинаетъ заговариваться. — Кто-то идетъ! О! это вѣрно Расинъ.

(бросается къ дверямъ.)

ВЫХОДЪ II.

Жиль Менажъ, *(въ дорожномъ платьѣ.)*

ЖИЛЬ МЕНАЖЪ. Извините меня, сударыня — я не пашелъ никого въ передней, и потому вхожу безъ доклада. Мнѣ сказали, что здѣсь живетъ знаменитый Расинъ.

ЛУИЗА. Онъ теперь въ театрѣ — и если вамъ будетъ угодно подождать съ четверть часа...

МЕНАЖЪ. Если вы мнѣ позволите. Я почти десять лѣтъ не былъ въ Парижѣ, и кромѣ друга моего — Расина, никого здѣсь не знаю... Извините нескромный вопросъ — но мнѣ кажется, что я имѣю удовольствіе говорить съ госпожею Дюпаркъ, актрисою Бурбонскаго театра.

ЛУИЗА. Съ бывшею — господиномъ Жиль Менажъ, если не ошибаюсь.

МЕНАЖЪ. Какъ я радъ, что вы не забыли меня. Лѣтъ десять тому назадъ, мы часто встрѣчались съ вами у нашего Расина; помните ли вы это время?

ЛУИЗА. Оно было счастливѣйшимъ въ моей жизни!

МЕНАЖЪ. Развѣ вы теперь несчастливы?—вы оставили театръ, но судя потому, что я нахожу васъ въ домѣ Расина, совершенной хозяйкою ..

ЛУИЗА. Послѣ смерти доброй няни его, Маргариты, я перешла къ Расину, чтобы смотрѣть за его домомъ. Театръ мѣшалъ мнѣ заниматься хозяйствомъ — и я оставила сцену. У Расина вѣтъ здѣсь ни родныхъ, ни близкихъ знакомыхъ, а самъ онъ не въ состоявіи ни о чемъ думать, кромѣ своихъ піесъ и той, которая сдѣлала ему много зла въ жизни.

МЕНАЖЪ. Вы говорите объ этой Шанмеле. Неужели опъ до-сихъ-поръ любитъ ее?

ЛУИЗА. До-сихъ-поръ, Менажъ. Если бы не воспоминаніе объ этой женщинѣ, то Расинъ могъ бы быть мепѣ несчастливъ.

МЕНАЖЪ. Она не въ Парижѣ?

ЛУИЗА. Нѣтъ! Слава Богу, что онъ хоть не видитъ ее. Съ тѣхъ-поръ, какъ ее бросилъ герцогъ де-Лозенъ, она скрылась — неизвестно куда.

МЕНАЖЪ. Но вы, вы Луиза.....

ЛУИЗА. Я — домоправительница, ключница, экономка въ домѣ Расина; все, что вы хотите. Я завѣдую хозяйствомъ, не допуская его самого заниматься — вещами скучными, мелочными, хотя и необходимыми, которыя могли бы отвлекать его отъ другихъ важнѣйшихъ занятій.

МЕНАЖЪ. И вы рѣшились пренебречь предрасудками общества, злыми толками и клеветою свѣта?..

ЛУИЗА. Я всею обязана Расину. Изъ бѣдной, необразованной сироты, онъ сдѣлалъ, въ свое время, порядочную актрису. Онъ далъ мнѣ больше — чѣмъ жизнь, Менажъ, онъ далъ мнѣ воспитаніе. Но и безъ этого, я бы пренебрегла всеми сплетнями и предрасудками, чтобы быть полезною Расину. Люди и безъ того къ имени актрисы, прибавляютъ всегда другой позорный эпитетъ. Богъ съ ними! Пусть они клеветуютъ на меня, сколько имъ угодно — я бѣдная женщина, лишняя въ свѣтѣ, не нужная для общества; — если клевета ихъ и убьетъ меня, этого никто незамѣтитъ. Но за что они отравляютъ своею злобою чистую и

прекрасную жизнь Распина? Что сдѣлалъ имъ этотъ добрый, благородный человекъ, этотъ мученикъ высокихъ чувствъ своихъ и жестокаго страданія?

менажъ. Какъ! неужели свѣтъ преслѣдуетъ Распина?

луиза. Безжалостно и безчеловѣчно. Клевета гонитъ его съ ожесточеніемъ. Продажная критика унижаетъ безъ пощады его лучшія произведенія. Во время представленія пьесъ его, подкупныя свистки заглушаютъ рукоплесканія безпристрастныхъ зрителей. Лучшія пьесы его: *Балзетъ*, *Митридатъ*, *Ифигенія*, почти не имѣли успѣха. Общество Маркизы Рамбулье не признаетъ въ немъ ни искры таланта, предпочитая ему Пралона; самъ король съ нѣкоторыхъ поръ пересталъ оказывать ему благоволеніе, вѣроятно, въ слѣдствіе происковъ враговъ бѣднаго Распина. Какой-то неизвѣстный непріятель, по имѣющей большую власть при дворѣ, преслѣдуетъ его неутомимо. Вся жизнь Распина — цѣпь неудовольствій, огорченій и борьбы съ его гонителями.

менажъ. Дорогою же цѣною купилъ свою славу, бѣдный Распинъ. Скажите, это гоненіе не имѣло вліянія на его характеръ?

луиза. Большое, Менажъ, не только на характеръ, но и на здоровье, но и на талантъ его.

менажъ. На талантъ?

луиза. Да! онъ сдѣлался молчаливъ, задумчивъ, суевѣренъ; онъ страдаетъ часто болью въ груди. Видя, что почти все брагнать его пьесы — онъ начинаетъ сомнѣваться въ своемъ талантѣ, въ своемъ призваніи. — О! онъ очень несчастливъ, Менажъ!

менажъ. Извините меня, если я прерву васъ, милая Луиза, а сейчасъ только замѣтилъ этого господина... Мнѣ кажется, что это Клодъ Лансело, бывшій учитель греческаго языка въ Портъ-Ройяль?

луиза. Не обращайтесь на него вниманія! Онъ не видитъ и не слышитъ насъ. Онъ помѣшанъ.

менажъ. Помѣшанъ?

луиза. Да, во сумасшествіе его тихо и неопасно. Думая всегда объ одномъ и томъ же, занимаясь одними греческими трагедіями, — онъ дошелъ наконецъ до того, что считаетъ себя Эврипидомъ, его любимымъ авторомъ. Впрочемъ, онъ очень ещастливъ, слушается всѣхъ какъ ребенокъ, и цѣлый день сидитъ за книгой, читая или переводя своихъ классиковъ. Распинъ

взялъ къ себѣ старика, потому-что дальные родственники воспользовавшись его сумасшествіемъ, присвоили себѣ его небольшое имущество и обращались съ нимъ самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. У насъ его никто не трогаетъ, и онъ очень этимъ доволенъ.

МЕНАЖЪ. И вы, въ полномъ цвѣтѣ жизни и молодости, проводите жизнь вашу между несчастными: поэтомъ и помѣшавшимся ученымъ... Луиза! — Простите мнѣ еще вопросъ: Распнъ любитъ васъ?..

ЛУИЗА, *(спокойно.)* Нѣтъ, Менажъ, Распнъ не любитъ меня!

МЕНАЖЪ. Но вы... вы любите Распна?

ЛУИЗА, *(со вздохомъ.)* Нѣтъ! я — не люблю его!

МЕНАЖЪ. Дайте мнѣ руку вашу, честная, милая дѣвушка. Богъ вознаградитъ васъ за это! Помогать несчастнымъ съ такимъ самоотверженіемъ...

ЛУИЗА. Ахъ Менажъ! Если-бы на свѣтъ не было несчастныхъ; то къ чему бы Богу и создавать жещицу?

ВЫХОДЪ III.

Жанъ Распнъ, *(дядя)* и Марта Дюбелль.

ЖАНЪ РАСПНЪ, *(ведя за руку Марту.)* Bravo!.. вивать! Победа наша! вивать!

ЛУИЗА. Боже мой! дядюшка Жанъ! вы прямо изъ театра! Ну что Распнъ, что его пьеса? — Впрочемъ, ненадобно и спрашивать. По вашему лицу видно ясно, что Федра имѣла огромный успѣхъ?

ЖАНЪ РАСПНЪ. Федра? Упала! Торжественно упала! Освѣщена на славу. Да здравствуетъ парижская публичка! Умна она, разбойница. Спасибо ей за это! — вивать!

ЛУИЗА. Упала? Боже мой! О! это убьетъ Распна!

МЕНАЖЪ. Упала? пьеса Распна? Точно ли вы въ этомъ увѣрены, милостивый государь!

ЖАНЪ РАСПНЪ. Увѣрепъ ли я? Еще бы! Я сударь не разъ бывалъ въ театрѣ, въ нашемъ Фертѣ-Милонъ, когда туда

пріѣзжали странствующіе комедіанты, и знаю какъ падаютъ пьесы. Здѣсь я для большей вѣрности нарочно освѣдомился, какъ узнать — хороша-ли пьеса, или дурна — и мнѣ очень ясно сказали, что если хороша, такъ хлопаютъ, а дурна — такъ свистутъ. Ну, а въ продолженіе всей Федры, когда только кто-нибудь начиналъ хлопать, то остальная публика покрывала это тотчасъ же свистками, а когда запавъсь оустилась совсѣмъ послѣ пятого представленія, то засвистали такъ неистово, что племянница моя взвизнула отъ страху, а я зажалъ уши и въ радости побѣждалъ поскорѣ сюда — готовить все къ нашему отъѣзду.

МАРГА. Да! повѣдте отсюда поскорѣ, дялюшка. Здѣсь такая скука, такая скука! особливо въ этомъ театръ! ужасть!

ЛУИЗА. О! это невозможно! Это былъ заговоръ противъ моего Расина. Федра! одна изъ лучшихъ трагедій его!

ЖАНЪ РАСИНЪ. Изъ лучшихъ? Нѣтъ ужъ позвольте сказать вамъ, мамзель Луиза, что эта трагедія — просто ни на что не похожа. Я не могу сердиться теперь на моего племянника, потому что у меня есть съ нимъ кой-какое условіе; но еслибъ я зналъ, что за исторія будетъ рассказываться въ этой Федрѣ, то никакъ бы не взялъ въ театръ свою племянницу. Ну хорошо вѣдь, что она ничего рѣшительно не поняла, въ чемъ тамъ было дѣло, а вѣдь я все понималъ — совершенно все. *(понижалъ голосъ.)* Ну, скажите! прилично ли это? Мать влюбилась въ своего сына и проситъ, чтобы онъ на ней женился, при жизни его отца, и когда у него есть своя собственная жена! Вѣдь это рѣшительно, съ позволенія сказать — непростительная неблагопристойность. Эта Федра — что-ли, съ позволенія сказать, просто...

ЛАНСЕЛО, *(вскакивалъ.)* Невѣжи! Скпвы! варвары! Осуждать Федру, оуждать лучшую мою трагедію, которую Расинъ съ такимъ искусствомъ перевелъ на вашъ бѣдный и невзвучный языкъ. Жалкіе Беотійцы! Они вдаютъ въ ней одну чувственную, матеріальную сторону и не понимаютъ высокой, психической идеи, которой она проникнута, согрѣта, оживлена. Знаете ли вы, что когда давали моего *Ипполита*, въ Афинахъ во время Мегалезійскихъ пгръ, то весь городъ ворвался на сцену, и подиавъ меня на свои могучія плечи, принеся въ мой скромный домикъ, близъ Пританеума.

ЖАНЪ РАСИНЪ. Мамзель Луиза! Мамзель Луиза! Васъ слу-

шается этотъ сумасшедшій! Сдѣлайте одолженіе, уймите его! А то онъ право укуситъ меня! Увѣрю васъ, что укуситъ!..

ЛУИЗА. Зачѣмъ же вы сами говорите при немъ о трагедіяхъ. Я вѣдь прелупреждала васъ. Лансело — вамъ пора спать. Ложитесь пожалуйста! Завтра можете встать пораньше и кончить вашу пьесу!

ЛАНСЕЛО. Извольте — съ, если вамъ угодно. Мнѣ бы хотѣлось только одно... Позвольте мнѣ пожалуйста лечь съ моею книгою. Во-снѣ я часто съ нею разговариваю. Позвольте, сдѣлайте одолженіе — я буду хорошо вести себя, буду прилежно учиться.

ЛУИЗА. Ну такъ и быть — только ступайте скорѣе спать. Одинадцатый часъ!

ЛАНСЕЛО. Покорно васъ благодарю! Желаю вамъ покойной ночи. (*уходитъ.*)

ЖАНЪ РАСИНЪ, (*смѣясь.*) Хи! хи! хи! вотъ сумасшедшій-то — разговариваетъ по-ночамъ съ книгою. Придутъ же въ голову такія глупости. Однако и я съ племянницей пойду прѣготовляться къ отправленію въ Ферте-Мвлонъ.

МАРГА. Дядюшка! а дядюшка! Что же вы обьщались мнѣ сыскать въ Парижъ мужа, а?

ЖАНЪ РАСИНЪ. Тсъ... душа моя! Эдакія вещи вслухъ не говорятся. Ужъ будь увѣрена, что дядя Жанъ придумаетъ все къ лучшему. (*уходятъ.*)

МЕНАЖЪ. Странный человекъ! мнѣ кажется, что я гдѣ-то встрѣчалъ его.

ЛУИЗА. Можетъ быть! Онъ былъ въ Парижъ лѣтъ 10 тому назадъ, побранился съ своимъ племянникомъ и только нынче рѣшился опять сюда прѣхать, потому-что и до его города дошла молва о славѣ и талантѣ Расина. Непонимаю однако, что значить его восторгъ, когда онъ увидѣлъ ваденіе Федъры... Онъ говорилъ о какомъ-то уславіи.

МЕНАЖЪ. А эта молодая дѣвушка — его племянница?

ЛУИЗА. Нѣтъ! онъ только такъ называетъ ее. Она ему очень дальняя родственница, спрота, и съ малолѣтства живетъ въ его домѣ. Добрал, но не очень образованная дѣвушка. Дядюшка Расинъ, какъ вы сами слышали, привезъ ее сюда искать ей мужа. Всего три дня, какъ они въ Парижъ, но и дядя и племянницъ, кажется такъ и хочется въ свою родную провинцію,

МЕНАЖЪ. Они правы, потому—что тамъ они будутъ совершенно на своемъ мѣстѣ, тогда какъ здѣсь...

ЛУИЗА. Вотъ и Расинъ! о! я все узнаю!

ВЫХОДЪ IV.

Расинъ (*блѣдный, разстроенный*) в Буало.

РАСИНЪ. Благодарю тебя, добрый другъ мой! ты одинъ остался поддержать бѣднаго автора, когда всѣ оставили его!

БУАЛО. Я точно также поддерживалъ и пьесу, по партія Прадона была слишкомъ сильна. Утѣшься! — истинный талантъ рано или поздно, но восторжествуетъ.

РАСИНЪ. Истинный! (*садится на софу.*)

МЕНАЖЪ. Добрый другъ мой, узнаешь ли ты меня?

РАСИНЪ. Менажъ! Жиль Менажъ! О! какъ я радъ, что увидѣлся съ тобой — но въ какое время?

МЕНАЖЪ. Въ самое лучшее, Расинъ! Талантъ на веру славы и почестей, заставляетъ насъ удивляться ему. Талантъ въ говѣнн и несчастн — заставляетъ насъ почитать его.

БУАЛО. Ты правъ, Менажъ — завистники только возвышаютъ гевн: — я увѣренъ, что въ потомствѣ имя Прадона, станетъ наряду съ именемъ Зюла.

РАСИНЪ. Вы хотите всѣми средствами утѣшить меня, друзья мои, увѣрить, что пьеса моя хороша — но дружба легко ослѣпляется, а публика временъ Людовика XIV-го, известна своимъ тонкимъ, эстетическимъ вкусомъ. Да, милая Луиза — ты давно смотришь мнѣ въ глаза, не вѣря извѣстiю, вѣроятно уже долетѣвшему до тебя. Отчего же тебѣ не вѣрить, когда повѣрили другiе, что Расинъ плохой поэтъ, что Расинъ безталанный писатель.

ЛУИЗА. Что мнѣ люди, Расинъ, что мнѣ ихъ сужденiя и приговоры! Развѣ у меня нѣтъ своего сердца?

РАСИНЪ. Сердце — плохой судья. Оно не можетъ понимать, — оно только чувствуетъ.

БУАЛО, (*тихо Менажу.*) Расинъ теперь въ дурномъ расположенiи, Менажъ; онъ сильно пораженъ несправедливостью людей и

мы очень хорошо сълаемъ, если оставимъ его одного. Ничего не можетъ быть смѣшнѣе и неумѣстнѣе утѣшеній, когда объ нихъ не просятъ.

менажъ. Ты правъ!... Расинъ! Мы не хотимъ теперь спорить съ тобою и доказывать превосходство твоей пьесы. Завтра ты гораздо лучше поймешь и выслушаешь насъ. Прощай!

(Расинъ молча подаетъ имъ руку и опять задумывается.)

буало, *(въ дверяхъ.)* Прощайте, мамзель Луиза. Смотрите хорошенько за нашимъ чудакомъ и не давайте ему слишкомъ отчаяваться. *(уходитъ.)*

луиза. Расинъ! Не хочешь ли ты поужинать?.. Не слышитъ! Господи! Господи! Если опъ виновенъ передъ тобою — накажи лучше ту, которая давно умѣетъ страдать и терпѣть. *(садится къ другому столу за работу, взглядывая по временамъ на Расина.)*

РАСИНЪ.

Освистаю! опозорю и осмѣю!

И по дьяволу. Къ чему писалъ безумецъ?

Чего ты ждалъ? Не лучшіе ли поэты,

Писатели, прославленные міромъ.

Великіе и строгіе умы —

Признали вѣстъь всю, единодушно:

Въ Расинъ нѣтъ талапта! Самъ Корнель

Мнѣ два раза совѣтовалъ оставить

И сцену и поэзію, — а я

Не вѣрилъ никому, но ослѣпленный

Реблческимъ и жалкимъ самолюбьемъ

И похвалами громкими друзей,

Вообразилъ, что призванъ я Творцомъ

На славный путь, на поприще поэта!

Но неужель я ошибался? Боже!

Ты посылаешь мнѣ много испытаній,

Я долженъ выбирать былъ между дружбой,

Между связями крѣпкими родства

Святаго и поэзіей — я выбралъ

Поэзію. — Любовь мнѣ предлагала

Все то, что только можетъ человѣку

Въ минуты счастья, грезиться въ раю:

Миръ радостей и небо наслажденій, —

И я любовь отвергнулъ и избралъ
 Поэзію. Я плакалъ и страдалъ —
 И былъ поэтомъ. Тяжкія гоненья
 Я перенесъ — и былъ поэтомъ! Боже!
 И это все ужаснымъ было сномъ,
 Мечтамя самолюбія пустаго!....

Нѣтъ! люди правы! нѣтъ! я не поэтъ!
 И никогда имъ не былъ!... Двадцать лѣтъ
 Я заблуждался. Цѣлыхъ двадцать лѣтъ!...
 Но Богъ продлитъ мнѣ жизнь, и я успѣю
 Потерянное время возратить.
 Я сдѣлаюсь полезнымъ человекомъ,
 Отцемъ семейства, добрымъ гражданиномъ,
 И службою отечеству — любовью
 И дружбу всехъ благоразумныхъ
 Людей приобряту! — Всему конецъ!
 Конецъ высокимъ думамъ и мечтамъ,
 Фантазіи неуловимымъ снамъ
 И призракамъ неясныхъ сновидѣній!
 Прости моя поэзія! Простите
 Вы, древности великіе герои!
 Другой поэтъ прославитъ васъ, и тыня
 Безсмертныя изъ праха воззоветъ,
 И звучныя въ уста ихъ вложитъ рѣчи!
 Гдѣ дядя Жанъ! я твой, моя отчизна!...
 Возьмите вашу жертву! Нѣтъ поэта!
 Овъ самъ себя убилъ! — теперь предъ вами
 Одины на все готовый — человекъ!

*(Вскланиваетъ съ дивана, но ноги его дрожатъ,
 колѣна шатаются, онъ опять опускается въ без-
 силии.)*

лушза, (подбѣгая къ челу).

Мой Богъ! что съ нимъ! Распнъ! мой милый Жанъ!
 Утѣшься!... успокойся!... Полно плакать!

Нестоятъ люди этихъ чистыхъ слезъ,
За злобу ихъ плати улыбкой гордой.

РАСИНЪ.

Луиза! я ребенокъ! я смѣшонъ!
Не правда ли! Но, видишь, эти слезы —
Прощаніе съ надеждами былыми,
Съ моей прошедшей, молодою жизнью,
Со всѣмъ, что я любилъ, во что я вѣрилъ,
И что навѣки покидаю я!

ЛУИЗА.

Что это значитъ! Неужели ты
Лишь отъ одной и первой неудачи,
Могъ духъ и бодрость потерять?

РАСИНЪ.

Луиза!

Ужъ я давно обманывалъ себя,
И этотъ день меня заставилъ только
Рѣшительно намѣреніе принять,
Давно уже обдуманное мною.
Луиза — съ этихъ поръ — я для театра,
Для публики и для литературы
Писать перестая — и навсегда!

ЛУИЗА.

Мой Богъ! но отчего же?

РАСИНЪ.

Отчего?... (услыша, что дверь отворится)

Кто тамъ?

ВЫХОДЪ V.

ПРЕДВОРНЫЙ КАМЕРАДИНЕРЪ (съ письмомъ).

ПРЕДВОРНЫЙ КАМЕРАДИНЕРЪ.

Къ вамъ, отъ Маркизы Ментснопъ,

Письмо.

РАСИНЪ.

Ко мнѣ? но я ее познаю,
Съ ней въ десять лѣтъ я не сказалъ ни слова.

ПРЕДВОРНЫЙ КАМЕРАДИНЕРЪ.

Незнаю; но приказано отлатъ
По адресу — извольте посмотреть (отдаетъ письмо и уходитъ.)

РАСИНЪ.

Что это значитъ?... Милая Луиза!
Прочти письмо, прошу тебя.

ЛУИЗА (читая.)

О Боже!

Какая низость!

РАСИНЪ.

Что тамъ? вѣрно новый
Ударъ судьбы, враговъ моихъ насмѣшка,
Съ ихъ площадной, маркизской остротой!
Читай! читай! безъ пропусковъ, съ улыбкой —
Меня давно ничто не удивляетъ.

ЛУИЗА.

О! я прочту, чтобы ты могъ судить,
Какъ велика и низость ихъ и злоба, (читаетъ.)

—

«Жану Расину, ошканному автору безтолковой Федры!...
Люди, уважающіе талантъ знаменитаго писателя, осведомляются

о его здоровьи послѣ сегодняшняго едиподушнаго пріема публики, и вмѣстѣ съ тѣмъ пмѣютъ честь увѣдомить, что всякое новое его произведеніе будетъ встрѣчаться и провожаться точно такимъ же образомъ. Въ этомъ ручается ему въ особенности та особа, которая могла быть женою только такого шута, какъ Скаронъ.»

Безъ подписи!

РАСПНЬ.

Придворный камердинеръ
Сказалъ, что отъ Маркизы Ментеновъ;
Но я и безъ того узналъ бы это!
О люди! какъ и жалба и ничтожны
Причины вашей злобы и любви.
И могъ ли думать я, чтобы слова,
Безъ всякой цѣли сказанныя мною,
Тому назадъ лѣтъ десять — быть могли
Причиной всѣхъ страданій и несчастій,
Злой клеветы, гоненій безпрерывныхъ.....
Какъ вы смѣшны мнѣ, гордая Маркиза!

ЛУИЗА.

Тутъ есть еще бумага.

РАСПНЬ.

Вѣрно тоже
Сатира или пасквиль?

ЛУИЗА.

Нѣтъ! приказъ
Отъ церемоніймейстера двора,
Чтобы Распнь являлся ко двору,
По приглашенью только, не иначе.

РАСПНЬ.

А это значитъ — никогда! Людовикъ
И ты!... Въ послѣдній разъ его я встрѣтилъ
Въ Версальской галлерей. Королю

Я низко поклонился, но меня
 Не замѣчая, не хотя замѣтить,
 Ни словомъ, ни поклономъ, ни движеньемъ,
 Не отвѣчая, — мимо онъ прошелъ.
 Опъ правъ, къ чему теперь ему Распнъ?
 Въ могилъ ранней ангелъ — Генриетта,
 А вѣрно изъ другихъ придворныхъ дамъ
 Никто просить не станетъ, чтобъ я еиасъ
 Ихъ отъ любви Людовика!

ЛУИЗА.

Распнъ!

Мнѣ кажется теперь ты съ бoльшей силой
 Противъ враговъ вооружиться долженъ,
 И доказать, что твой талантъ прекрасный
 Въ говеньяхъ и борьбѣ не ослабѣлъ.

РАСПНЪ.

Нѣтъ! нѣтъ, Луиза — п борьбой напрасной
 Послѣднiя я силы истощу.

Похожъ ли я на прежняго Распна?

Ни прежнихъ чувствъ, ни прежнихъ мыслей нѣтъ.

Я измѣнился тѣломъ и душою,

И поздно я глаза открылъ. Луиза!

Къ чему писать! та публика, которой

Повелѣваетъ гордая Маркиза!

И непойметъ меня и неощиптъ.

Она не знаетъ, что въ пиесъ каждой

Частичка есть души моей и жизни,

Что самъ Распнъ съ героями пиесы

Терзается и плачетъ и страдаетъ,

Что переливъ въ нихъ жаръ своей души,

Онъ съ каждымъ днемъ слабѣетъ, умраетъ.

За что же жизнь я людямъ подарю?....

Когда мой дядя изъ Ферте-Милона,

Забывши и свой гнѣвъ и общаанье,

Не видѣться со мной, сюда прiѣхалъ, —

Ты, знаешь ли какъ встрѣтилъ опъ Распна? —

Словами: другъ мой, Жанъ — ты не поэтъ!

Т. VII. Отд. I.

Тебя одни друзья твои лишь хвалятъ.
 Ни дворъ, ни городъ — скучныя піесы
 Смотрять не любятъ. Я, въ борьбѣ съ врагами
 Давно уставъ и ослабѣвъ, ему
 Далъ слово: если Федра не уластятъ, —
 Ни строчки для театра не писать
 И навсегда поэзію оставить.

ЛУИЗА.

Вотъ почему такъ радъ былъ даяя твой
 Паденью Федры. Въ этомъ-то и было
 Условье ваше?

РАСИНЪ.

Не совсѣмъ еще.
 Любя его всѣмъ сердцемъ — я ему
 Далъ также обѣщаніе: исполнѣ
 Хорошимъ гражданиномъ быть — и даже
 Жениться!

ЛУИЗА.

Какъ! жениться? Ты.... Расинъ!
 Ты женишься?

РАСИНЪ.

Объ этомъ я съ тобою
 Поговорить хотѣлъ, моя Луиза,
 И попросить совѣта твоего.
 Безъ твоего согласья не рѣшуся
 Жениться я!

ЛУИЗА.

Мой Богъ, что это значитъ!...
 О говори! Расинъ мой, объясни!....

РАСИНЪ.

Сядь здѣсь, Луиза! выслушай меня,
 И дай совѣтъ мнѣ. Я привыкъ съ тобою

И мыслями и чувствами дѣлиться.
Тебѣ я всѣмъ обязанъ!

Луиза, (садясь.)

(О, мой Богъ!

Дай силы мнѣ!)

Расинъ.

Мой дядя не безъ цѣли
Сюда прѣхалъ съ родственницей дальней,
Съ хорошенькою Мартой Дюбелле.
Онъ къ ней привязанъ, ей хотѣлъ мой дядя
Огромное наследство завѣщать,
Но и меня его лишитъ нехочетъ;
Оно ко мнѣ по праву переходитъ
И потому—то мнѣ онъ предлагаетъ
На ней жениться. (Луиза вскрикиваетъ и закрываетъ ли-
це руками. Расинъ не замѣчаетъ этого)

Бракомъ этимъ я

Сиротки бывшій будущиость уврочу,
И благодарность дядѣ докажу.
Я думалъ долго: — я одинъ на свѣтъ,
Когда нибудь ты также выдешь замужъ.
Никто меня нелюбитъ здѣсь. (Луиза рыдаетъ) Оставя
Театръ — я долженъ буду чѣмъ нибудь
Другимъ заняться, а тоска и скука —
Убьютъ меня; тогда какъ къ жизни могутъ
Обязанности повѣя отца
Семейства привязать меня! Скажи же,
Что долженъ дѣлать я?

Луиза, (отирая слезы, спокойно)

Женись, Расинъ!

Твой дядя правъ — одна женитьба можетъ
Тебя развлечь отъ скуки и тоски,
И возвратитъ тебѣ покой и счастье.
Я одного боюсь: что если Марта
Твоей души высокой не пойметъ,

И чувствъ твоихъ прекрасныхъ не оцѣнить,
Что если съ ней несчастливъ будешь ты?

РАСПНЪ.

Она добра, она Распна любитъ;
Ей дядя въ нашемъ бѣдномъ городкѣ
Блестящаго образованья недалъ;
Но съ ней я самъ займуся, образу
Ея и умъ и сердце, и она
И дочерью мнѣ будетъ и женою.

ЛУИЗА.

Распнъ! дай Богъ, чтобъ нешибся ты!
И если бѣдной грѣшницы молитвы
Дойдутъ до неба — вѣрь! ты будешь счастливъ!
Я объ одномъ прошу тебя, молю: —
Позволь съ тобой остаться мнѣ — и быть
По прежнему — хоть ключницей твоею!...

РАСПНЪ.

Луиза — я не смѣлъ тебя просить!...
О! будь сестрою нашею — тебя
Всегда любилъ я какъ *сестру*!...

ЛУИЗА, (рыдая.)

Мой братъ!

Благодарю тебя! благодарю!
Теперь! позволь уйти мнѣ.... Я — ты видишь
Разстроена, больна!... Будь только счастливъ
И я найду въ себѣ довольно силъ
Перенести страданіе.... Распнъ!...
Пусть Богъ тебя проститъ, какъ я прощаю! (*убѣгаетъ*).

РАСПНЪ.

Мнѣ кажется, рѣшеніемъ моимъ
Она не такъ довольна! Быть не можетъ!

Она ко мнѣ привязана — и счастью
Распина также рада быть должна.

ВЫХОДЪ VI.

Жанъ Распинъ, Марта, потомъ Луиза.

Жанъ Распинъ. Ну что! любезный Жанъ. Обдумалъ ли ты хорошенько мой предлогъ? Увѣренъ ли ты въ справедливости словъ моихъ?

Распинъ. Да! лядюшка! Вы были правы. Я ошибался въ моемъ призваніи. Я не былъ рожденъ поэтомъ.

Жанъ Распинъ. Вотъ то-же! Повѣрилъ бы ты сначала старикку, который звалъ тебя съ самаго дѣтства, такъ не пмѣлъ бы удовольствія слышать, какъ тебя осмиваютъ на парижскихъ театрахъ. Я тебѣ тысячу разъ твердилъ, что изъ тебя рѣшительно ничего не выйдетъ — и видишь — совершенно правъ. Охъ вы, молодые люди! Еслибы вы слушались насъ стариковъ, да не считали себя умнѣ насъ — такъ дѣла-то бы всѣ шли гораздо лучше. — Ну, такъ ты перестанешь писать стихи?

Распинъ. Да!

Жанъ Распинъ. И рѣшаешься сдѣлаться наконецъ порядочнымъ человекомъ?

Распинъ. Да.

Жанъ Распинъ. И соглашаешься жениться на моей милой племянницѣ?

Распинъ. Отъ всего сердца, если она только не откажетъ мнѣ въ рукѣ своей.

Марта. Какъ, лядюшка? такъ это вы моего брата прочли мнѣ въ мужья?

Жанъ Распинъ. Ну да, дурочка, развѣ онъ тебѣ не правъ?

Распинъ. Милая Марта! — Откровенность первое условіе, чтобы быть счастливыми. Скажите мнѣ просто, хотители вы быть моею женою?

МАРТА, *(присѣдая)*. Какъ булегъ угодно дядюшкѣ!
 ЖАНЪ РАСИНЪ. Ты знаешь, плутовка, что ему это давно было угодно. Полю красавецъ, и дай свою хорошенькую ручку моему милому Жану! *(Марта нехотя подаетъ руку Жану, онъ цалуетъ ее. Она присѣдаетъ)*.

МАРТА, *(тихо дядь)*. Дядюшка! а вѣдь-я-было думала, что на мнѣ жевнися совсѣмъ не братецъ Жанъ.

ЖАНЪ РАСИНЪ, *(ей тихо)*. Тсъ, аура, *(громко)*. Дѣти мои!... я плачу отъ радости! Примите благословеніе вашего второго отца. Жанъ, благодарю тебя! ты исполнилъ желаніе всей моей жизни! — Въ тебѣ течетъ истинная, благородная кровь Расиновъ! Вы будете счастливы, дѣти моя. *(Кладетъ имъ руки на голову. Въ это время Луиза выходитъ изъ своей комнаты въ дорожномъ платьѣ, съ узелкомъ въ рукахъ. Увидя эту группу, она останавливается въ дверяхъ, дрожа и блѣднѣя)*.

РАСИНЪ. Дядюшка! я вамъ буду обязанъ истиннымъ счастьемъ!

ЛУИЗА, *(въ дверяхъ)*. Нѣтъ! я не въ страхъ буду видѣть — этого счастья! Расинъ!... Расинъ!... Дай Богъ, чтобъ я не нужна была тебѣ въ этой жизни! *(Убѣгаетъ. Дядя Жанъ поднимаетъ руки къ небу, Расинъ расстроганъ, Марта спокойно смотритъ ему въ глаза)*.

(Занавѣсъ падаетъ).

КАРТИНА V.

ПЕРВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ГОБОУИ.

1699.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Расинъ, 60-ти лѣтъ.

Марта, жена его, 44-хъ лѣтъ.

Луиза Дюпаркъ, 47-ми лѣтъ.

Клодъ Лансело, 82-хъ лѣтъ.

Маркиза Ментеновъ.

Баронъ де Нанжи, 60 лѣтъ.

Марія Шанмеле, 48 лѣтъ.

Жанъ Бенинь Боссюэть. } безъ рѣчей.

Валло, первый докторъ }

Комната Расина, четвертой картины, но мебель гораздо бѣднѣе. За столомъ по прежнему сидитъ Лансело, безъ парика и кафтана. На диванѣ сидитъ Расинъ. Онъ очень слабъ и блѣденъ. У дивана Луиза читаетъ исторію Генріетты Англійской.

ВЫХОДЪ I.

Расинъ, Луиза, Лансело.

Луиза! (*читая*). Это были послѣднія слова ея. Чистая душа Генріетты Англійской покинула свою земную оболочку и вознеслась къ престолу Вседержителя. — (*Закрываетъ книгу*).

Расинъ.

Конецъ! благодарю тебя, Луиза!
Исторія написана недурно,
Хотя мѣстами слабо и неполно.
Мы за нее должны благодарить
Графиню Лафайеттъ — всежь это лучше.
Принцессы Клевской и Заиды. Впрочемъ,
Жизнь ангела, принцессы — Генріетты
И невозможно дурно написать.
Предметъ великій — требуетъ невольво
Высокихъ чувствъ и звучныхъ выраженій,
Самъ для себя онъ краски подастъ.

Луиза.

Расинъ! Скажи мнѣ, ты любилъ принцессу?

РАСПНЪ.

Нѣтъ, я молился только ей, Лупза.
 Мнѣ кажется, что въ цѣлой жизни можно
 Одну любить, а въ это время, я
 Любилъ одну Марію, какъ всегда.

ЛУПЗА.

Скажи! ее ты любишь и теперь?

РАСПНЪ.

И да, и нѣтъ! Ты видишь ли, Лупза:
 Въ душѣ моей хранится чистый образъ
 Маріи несорочной и прекрасной,
 И до-сихъ-поръ люблю я этотъ образъ;
 Но женщину, которую зовутъ
 Маріей Шаниселе — безъ содроганья —
 Не могъ бы я увидѣть.

ЛУПЗА.

Ты объ ней

Не получалъ извѣстья?

РАСПНЪ.

Никакого!

Никто не знаетъ, гдѣ она. Быть можетъ
 И умерла. Пусть Богъ ее проститъ
 За зло, Распну сдѣланное, Боже!
 За что ты мнѣ послалъ такую участь?
 За чѣмъ никто Распна не любилъ
 Въ теченіи его печальной жизни?...
 Въ груди его таился чудный кладъ
 Высокихъ чувствъ, любви и пылкой страсти,
 Онъ могъ бы сдѣлать счастливымъ — создание,
 Которое съ довърчивой улыбкой
 Призналось бы ему въ своей любви.
 И раздѣляя съ нимъ все бремя жизни,

Смѣясь надъ безсиьной злобой міра,
 Онъ горе и несчастье перепесть бы,
 Не ослабѣвъ ни тѣломъ ни душой!
 Такого счастья позарить Расину
 Не захотѣлъ Творецъ! Да будетъ воля
 Твоя святая. Я роптать не смѣю!

ЛУИЗА.

Расинъ! не обвиняй Творца напрасно!
 Быть можетъ самъ ты въ этомъ виновать!
 Когдабъ ты захотѣлъ....

РАСИНЪ.

Но я Творца

Не обвиняю, добрая Луиза!
 И такъ Онъ много сдѣлалъ для меня!
 Я счастья не звалъ любви взаимной,
 За то онъ далъ узнать мнѣ сладость дружбы.
 Ужъ сколько лѣтъ со мной моя Луиза
 Не растается. Только разъ....

ЛУИЗА.

Расинъ!

Къ чему о томъ, что было — вспоминать?
 Когда женился ты — тебѣ была
 Я не пужна: ты счастливъ былъ; когда же
 Ты послѣ смерти дяди возвратился
 Опять въ Парижъ съ женою — я сама
 Явилася къ Расину — и просила
 Съ нимъ горе раздѣлять, за тѣмъ, что онъ
 Несчастливъ былъ.

РАСИНЪ.

Луиза!

ЛУИЗА.

Да, Расинъ.

Ты былъ несчастливъ — это я узнала

При первомъ взглядѣ на тебя, — я это
 Пречувствовала. Марта не могла
 Тебя понять. Ова въ тебѣ лишь мужа,
 А не Распаа видѣла... Съ тѣхъ поръ,
 Когда по просьбѣ горлой Меатеновъ,
 Двѣнадцать лѣтъ ни строчки не писавши,
 Ты для ея воспитавницъ Сень-Сирскихъ
 Эсэиръ поставилъ на театрѣ, ова,
 Жена твоя, еще капризивиѣ стала,
 И больше мучить бѣднаго Распаа.

РАСПАА.

Луиза! ты права! когдабъ не ты,
 Распаа не перевесъ бы этой жизни.
 Меня невозможно также ободрилъ
 Успѣхъ моей Эсэири — и теперь,
 Когда я отдалъ имъ — мое дитя
 Любимое, — Говолю мою,
 Которой я горжуся, — если будетъ
 Ова имѣть успѣхъ, когда поймутъ
 Ее Парижъ и дворъ — Распаа опять
 Забудетъ всѣ несчастья, огорченья,
 И вновь поэтъ воскреснетъ прежній въ немъ.

ЛАНСЕЛО (за столомъ).

Дитя! дитя! Поэтовъ нѣтъ давно!
 Поэты всѣ погябли, не воскреснутъ!
 Съ Эллагою поэзія исчезла!
 Лишь Эллагны науку звали — съ міромъ
 Бесѣдовать на языкѣ боговъ;
 Имъ былъ открытъ божественный тайникъ
 Поэзіи высокой и глубокой!.....
 Вы только повторяете за ними,
 Давно ужъ ими сказанныя мысли,
 Не понимая часто ихъ значенья.
 Поэты ваши славны, знамениты —
 Пока живутъ. — А я, взгляни! давно!
 Истлялъ мой гробъ въ гробницѣ безъвѣстной,

Въ холодной Македоніи, а пмя
 Великаго поэта Эврипида —
 Извѣстно всѣмъ народамъ и вѣкамъ,
 И всѣ вѣка стихи его читають
 И до-сихъ-поръ дивятся всѣ ему.

ВЫХОДЪ II.

МАРТА.

МАРТА. Ну, такъ и есть! я была въ этомъ увѣрена. у васъ
 кажется только и занятія, господиновъ Расинъ, что разговаривать
 съ мамзель Луизою, да слушать бредин сумасшедшаго.

ЛАНСЕЛО. Боже мой! отчего это воскресла Мегера? И ско-
 ро ли Персей опять насъ отъ нее избавить?

МАРТА. Что вы такое тамъ рассказываете? Мегера! Вы, ка-
 жется, назвали меня Мегерой. Вѣдь я знаю, что это значить,
 Мегера тоже, что по нашему — фуриі!... И вы позволяете, госпо-
 динъ Расинъ, называть фурией свою законную жену?

РАСИНЪ. Другъ мой, развѣ можно сердиться на бѣднаго сума-
 сшедшаго?

МАРТА. Да онъ сумасшедшій, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы
 чѣмъ нибудь заняться, но вѣсть и браниться онъ умѣетъ лучше
 всякаго здороваго человека!

РАСИНЪ. Марта!

МАРТА. Да что въ самомъ дѣлѣ, господиновъ Расинъ! — надобно-
 же этому когда нибудь положить конецъ? Скоро ли вы отправите
 въ богадельню этого пшцаго?

РАСИНЪ. Я скорѣе самъ пойду въ нее, чѣмъ допущу до это-
 го моего добраго Лансело. Вы нынче что-то не въ ду-
 хѣ, госпожа Марта. Что съ вами случилось? Вы принимаете та-
 кой тонъ?...

МАРТА. Вы находите страннымъ мой тонъ? Вамъ разумеется
 было бы гораздо пріятнѣе, если бы жена ваша все время молча-
 ла и смотрѣла сквозь пальцы на всѣ ваши штуки, но мнѣ, сла-

ва Богу, не на то даны глаза, уши и языкъ, чтобы все видѣть, слышать — и не говорить ни слова.

ЛУИЗА. Но что же вы слышите и видите, госпожа Марта?

МАРТА. Слышу я, что меня здѣсь на каждомъ шагу все бранятъ и охуждаютъ, вижу, что господинъ Распнъ ни на минуту не растается съ мамзель Луизою и не хочетъ смотреть на свою законную жену.

РАСПНЪ. Марта! это ужъ слишкомъ!

ЛУИЗА. Распнъ! ты знаешь, что я привыкла къ оскорбленіямъ.

МАРТА. О! это совершенно справедливо! — я всякій день дѣлаю очень нетопкіе намеки мамзель Луизѣ, что присутствіе ее здѣсь совершенно лишнее — и она всякій разъ отвѣчаетъ мнѣ на это очень милой улыбкой. Истинно — ангельская добродѣтель!

РАСПНЪ. И вы позволяли себѣ это!... И ты Луиза!... ни одного слова, ни одной жалобы!

МАРТА. Скажите! она вамъ и не жаловалась на меня, на хозяйку этого дома, не просила, чтобы вы меня прогнали отсюда. Истинно христіанскія чувства!

РАСПНЪ. Марта! *(Лансело молча вскакиваетъ со стула, схватываетъ подъ мышку свои бумаги и уходитъ въ другую комнату).*

МАРТА. А! господинъ сумасшедшій убрался отсюда, и прекрасно сдѣлалъ; хорошо, если бы и другія догадались сдѣлать тоже самое.

РАСПНЪ. Марта! вы выводите меня изъ терпѣнія. Я ужъ сказалъ вамъ, что если вы здѣсь чѣмъ-нибудь недовольны, то можете тотчасъ же отправиться въ вашъ Ферте-Милонъ. Я не стану васъ удерживать.

МАРТА. Я увѣрена, что вы будете этому очень рады. Но какъ покажусь я въ этомъ городѣ, мои сосѣдки, вѣщая и заплаканная, выгнанная изъ дома моего мужа — его любовницей....

РАСПНЪ. Марта! еще одно слово!... *(вскакиваетъ съ дивана, но опять въ изнеможении на него падаетъ).* О! вы когда-нибудь убьете меня!....

ЛУИЗА. Боже мой! Распнъ! что съ нимъ?... *(бросается къ нему. Марта посрединѣ).*

ВЫХОДЪ III.

МАРКИЗА МЕНТЕНОНЪ и Баронъ де Нанжи.

МЕНТЕНОНЪ, *(на порогъ)*. Что это? Какая сценка! Стало-быть меня не обманули, уверяя, что знаменитый Расинъ разъягрываетъ часто съ своей супругой цѣлыя сцены изъ своихъ трагедій.

НАНЖИ. Я имѣлъ уже счастье докладывать объ этомъ вашему величеству.

МЕНТЕНОНЪ. Баронъ! Я прошу васъ называть меня не иначе, какъ Маркизою въ присутствіи этихъ людей. *(Нанжи почтительно кланяется)*.

РАСИНЪ, *(вставал)*. Что я вижу! Какая честь! Чему обязанъ я счастьемъ видѣть здѣсь Маркизу Ментеновъ?

ЛУИЗА. Маркизу Ментеновъ!

МАРТА. Очень любозытно знать, что угодно здѣсь госпожѣ Маркизѣ?

МЕНТЕНОНЪ. Я явилась, милая моя, говорить съ господиномъ Расинемъ, а не съ его кухаркою, и потому, ты хорошо слѣдуй, если васъ оставишь.

МАРТА. Съ кухаркою! И вы хладнокровно переносите это новое оскорбленіе! И вы позволяете обижать подобнымъ образомъ свою законную жену?

МЕНТЕНОНЪ. Ахъ! это ваша жена, извините — я никакъ не могла подумать этого. Я приняла за жену вашу — эту жеищиву, *(показываетъ на Луизу)*.

РАСИНЪ, *(съ нетерпѣніемъ)*. Маркиза! могу ли я наконецъ узнать причину вашего посѣщенія.

МЕНТЕНОНЪ. Я уже сказала вамъ, что весь этотъ народъ здѣсь лишній. Я не привыкла объясняться на рынкѣ.

РАСИНЪ, *(скрываетъ свою досаду)*. Марта! Луиза! Оставьте васъ.

МАРТА, *(уходя)*. Народъ!... рынокъ!... Съ какимъ бы удовольствіемъ я выцарапала глаза этой Маркизѣ *(уходитъ съ Луизой)*.

РАСИНЪ.

Теперь, Маркиза! мы одни!

МЕНТЕНОНЪ.

Баронъ!

Подайте стулъ мнѣ!

БАРОНЪ ДЕ ПАВЪЯ, (подастъ ей стулъ,
сметая пыль съ него перьями своей шляпы).
Это самый лучший! (Маркиза садится; онъ
становится за стуломъ).

МЕНТЕНОНЪ.

Я изъ Сентъ-Сира, послѣ окончанья
Гоеолии.

РАСВНЪ.

Такъ рано!

МЕНТЕНОНЪ.

Огъ піесы

Успѣха я совсѣмъ не ожидала,
И потому велѣла разыграть
Ее безъ декорацій и костюмовъ —
Въ одной изъ залъ....

РАСВНЪ.

И чтожъ моя піеса,

Маркиза?

МЕНТЕНОНЪ.

Цѣлый аворъ смотрѣть собрался,
По приглашенью моему, піесу
Безсмертнаго, великаго Расина,
И самъ его величество — Людовикъ
Четырнадцатый, насъ почтилъ своимъ
Присутствіемъ....

РАСВНЪ.

И чтожъ моя піеса?

МЕНТЕНОВЪ.

Просили вы объ ней извѣстье дать —
 И я сама вамъ привезла его.
 Съ Гоолией случилось то, что я
 Предвидѣла. Повѣрьте — ни одна
 Комедія Мольера — никогда
 Такого оглушительнаго смѣха
 Не возбуждала въ зрителяхъ....

РАСИНЪ, (пораженный).

Маркиза!

МЕНТЕНОВЪ.

Едва могли дожидаться мы конца,
 И самъ его величество, зывая
 И вмѣстѣ съ тѣмъ смѣлся, положилъ,
 Чтобы впередъ, когда на вечерахъ
 Семейныхъ и въ домашнихъ нашихъ играхъ,
 Окажется виновнымъ кто-нибудь,
 Или проиграетъ — тотчасъ вмѣсто штрафа
 Заставить въ наказаніе его —
 Прочестъ, или наизусть сказать, стиховъ
 Пятнадцать изъ Гоолин — и больше
 По степени его вины!

РАСИНЪ.

Мой Богъ!

Я этого не ждалъ!

МЕНТЕНОВЪ.

А я ждала!

Скажу вамъ откровенно: съ этой цѣлью
 Я васъ просила написать піесу
 Для молодыхъ воспитанницъ Сентъ-Сира.
 Двѣнадцать лѣтъ не видя ни одной
 Трагедіи Расина на театрѣ,
 Людовикъ все еще въ его талантъ

Увѣрепъ былъ — я доказать взялась
 Противное. — Эсфиръ успѣхъ имѣла
 По новости, по пышной обстановкѣ,
 Но я не унывая, приняла
 Вся мѣры — и достигла до того,
 Что синонимомъ вздора и прямъромъ
 Галлматы — Говолія къ потомству
 Навѣрно перейдетъ.

БАРОНЪ ДЕ НАНЖИ.

О! непременно!

Вся люди, обладающіе вкусомъ....

МЕПТЕНОВЪ, (сухо).

Баронъ! Я васъ не спрашивала! (Нанжи низко кланяется).

РАСНЪ.

Что же

Еще угодно вамъ? Или вы только
 Явился за тѣмъ, чтобъ принести
 Пріятное извѣстье?

МЕПТЕНОВЪ.

Не совсѣмъ!

Я предложеніе сдѣлать вамъ хочу
 Другое, очень важное... (встаетъ. Нанжи относитъ стулъ
 къ дверямъ, и по знаку ея, остается у нихъ
 съ почтительными поклонами).

Раснъ!

Вы видѣли, что сдѣлать я могла,
 И какъ за оскорбленіе плачу.
 Теперь отъ васъ зависѣть будетъ снова
 Приобрести мое благоволеніе.
 Переменялись времена. И та,
 Которая женой могла быть только
 Шута Скарропа, съ тѣмъ соединилась,
 Передъ кѣмъ главу съ покорностью склоняетъ

Вся Франція и цѣлая Европа.
 И несмотря на мой высокій санъ,
 Я предлагаю первая Распну
 И миръ и покровительство мое.
 Мнѣ нуженъ человекъ съ талантомъ — въ васъ —
 Я сознаюсь — онъ есть, — хотя при всѣхъ
 Не соглашуся съ этимъ никогда.
 И этотъ человекъ своимъ талантомъ,
 Своимъ перомъ служить мнѣ долженъ, вѣрно
 И слѣпо исполняя приказанья,
 Какъ странны ни казались бы они.
 Онъ долженъ все писать, что не прикажутъ.
 Есть люди, — прямо дѣйствовать на нихъ
 Нельзя, а въ баснѣ, драмѣ или сатирѣ,
 О многомъ можно высказать слегка,
 Намеками.....

РАСИВЪ.

Довольно! я васъ понялъ,
 Маркиза! И въ Расинъ вы хотѣли
 Продажнаго писателя найти,
 Который на враговъ Маркизы тайно
 Ядъ клеветы и злости расточалъ бы!...
 Вы думали, что онъ убитый горемъ,
 Униженный судьбою и людьми,
 За плату, за спокойствіе рѣшится
 Продать и свой талантъ и совѣсть вамъ, —
 Ошиблися Маркиза! При дворѣ,
 Межъ вашими поетами ищите
 Клеветниковъ наемныхъ. У Расина
 На пасквиль не подыметса рука!

МЕНТЕНОНЪ.

Вы рыцарь по душѣ, по чувствамъ сердца!
 Но если этотъ сказочный герой,
 Сойдетъ до срока въ раннюю могилу,
 То пусть онъ помнитъ, что въ могилу эту
 Его свела Маркиза Ментенонъ! — *(уходитъ быстро,
 Накоси за нею).*

РАСИНЪ.

Мой Богъ! о! до какого униженья
 Я дожилъ! Мнѣ, Расину, смѣютъ дѣлать
 Такія предложенія!.. Когда же
 Наполнится моихъ страданій чаша?
 Прости моя послѣдняя надежда —
 Прекрасная Говелія моя!
 Я и въ тебѣ былъ долженъ ошибиться!...
 О Господи! Ужели вѣтъ въ Расинѣ
 Ни искры дара чуднаго, таланта
 Высокаго, за что же на меня
 Такое ослѣпленье ты послалъ! —

ВЫХОДЪ IV.

МАРІЯ ШАНМЕЛЕ, въ монашескомъ платьѣ.

ШАНМЕЛЕ.

Миръ дому грѣшныхъ братій!

РАСИНЪ, (вздраивая и сватываясь за сердце.)

Боже правый!

Чей этотъ голосъ? (вскакиваетъ съ дивана и увидя Марію,
 съ крикомъ бросается въ сторону.)

МАРІЯ.

Онъ! Расинъ!... Творецъ!

Благодарю!

РАСИНЪ.

О! это слишкомъ много!

Больное сердце можетъ разорваться,
 Не вынести ему такихъ страданій!

Еще удары! Творецы!... и безъ того
 Я умраю — для чегоже адъ
 Еще ужасный призракъ посылаетъ
 Терзать Расина?... *(падаетъ на диванъ.)*

МАРІЯ *(бросаясь къ нему, падаетъ на
 колѣни передъ диваномъ.)*

Сжался! некланн
 Насчастную Марію! — Дай снокойно
 Ей умереть!.. Безъ твоего прощенья
 Она не можетъ въ теплую могилу
 Сойти, на судъ не смѣетъ повѣстись!
 Расинъ! помилуй!

РАСИНЪ.

И не призракъ это!
 Марія! только сердцемъ могъ тебя
 Узнать Расинъ! Но ты ли, ты ли это?..

МАРІЯ.

Нѣтъ! врьдъ тобой не прежня Марія,
 А бѣдная преступница. Она
 Пришла у ногъ ея несчастной жертвы
 Или умереть — или вымолить прощенье!

РАСИНЪ.

О! отъ чего меня ты не любила?..

МАРІЯ.

Нѣтъ! я тебя любила, мой Расинъ,
 И оттого была несчастнѣй вдвое!...
 Меня мое кокетство погубило.
 Въ тотъ страшный часъ, когда въ саду Версальскомъ
 Лозепу призывалась я въ любви,
 Ты слушалъ насъ въ кустахъ — и я призванье
 Произнесла, чтобы тебя помучить.

РАСИНЪ.

Мой Богъ! и это правда!

МАРІЯ.

Передъ смертью

Не лгутъ, Распѣ — а я сюда пришла
 Полуживая: страшная бользнь
 Давно терзаетъ эту грудь. Олю
 Неосторожно сказанное слово,
 Причиной было гибели моей.
 Лозень похитилъ сплюю меня...
 И я — упавши глубоко, въ разлукѣ
 Съ тобою — поняла, что для меня
 Ты былъ дороже всѣхъ вельможъ и принцовъ,
 Что одного тебя любила я.

РАСПѢ.

Но для чего тогда ты не вернулась
 На грудь мою! Тебя Распѣ простилъ — бы.

МАРІЯ.

О! никогда! Изъ губельныхъ объятій
 Порочной пѣги вырвавшись, спокойно
 Упасть на грудь высокую твою,
 Устами оскверненными горячимъ,
 Преступнымъ поцѣлуемъ, — вновь прижаться
 Къ твоимъ устамъ и чистымъ и прекраснымъ!...
 Распѣ — вѣдь это былобъ святотатствомъ!
 Вѣдь я была преступна мой Распѣ,
 Но не была порочна.

РАСПѢ.

Горе! горе!

И я бы могъ быть счастливымъ!

МАРІЯ.

Съ той поры

Цѣною жизни горя и страданій
 Я искупила грѣшный мой проступокъ,
 Сама себя карая, и страдаю

Гораздо больше бѣднѣго Расина.
 Любовь моя быть можетъ не сильнѣе
 Была его любви; но онъ меня
 Любилъ безгрѣшный, чистый, а Марія
 Была преступна!...

РАСИНЪ.

Боже! Дай мнѣ силы
 И я бы могъ быть счастливъ!

МАРТА.

За тобой
 Слѣдила я невидимо, Расинъ!
 Всю жизнь твою я знала, я съ тобою
 Терзалася, и на меня твои
 Страданья такъ падали, и я
 Страдала вдвое!

РАСИНЪ.

Помоги Творецъ!
 И я бы могъ быть счастливъ!

МАРТА.

Сколько разъ
 Хотѣла я открыться, разлить
 Твои несчастья, быть твоей служанкой,
 И омыватъ горячими слезами
 Страдальца ноги на пути тернистомъ,
 Истерзанные иглами вражды!
 Но Богъ не попустилъ, чтобы къ тебѣ
 Погибшее созданье прикоснулось,
 Онъ Ангела въ пути твоемъ послалъ!...
 И послѣ многихъ тяжкихъ, скорбныхъ лѣтъ
 Я въ первый разъ въ то время, какъ ребенокъ,
 Отрадными слезами залилась.

РАСИНЪ.

Что это значитъ?

МАРТА.

Какъ тебя любила
 Луиза, этотъ ангелъ! Сколько жертвъ
 Расину принесла она — и сколько
 Несчастій отвратила отъ него!
 Любовь ея была свята, безгрѣшна;
 Но всежъ была любовь — и я, Расинъ,
 Страдала вдвое.

РАСИНЪ.

Боже! Ослѣпленье
 Зачто послалъ ты на меня? я могъ бы
 Опять быть счастливъ!

МАРТА.

Какъ, и ты не зналъ,
 Не видѣлъ ты любви ея?... Мой Богъ!
 Но ябъ тебѣ любовь ея открыла!...
 Я думала, что ты ее нелюбишь,
 И потому женился на другой!

РАСИНЪ.

Нѣтъ!... Это слишкомъ, слишкомъ много. Этотъ
 Ударъ убьетъ меня! *(падаетъ безъ чувствъ.)*

МАРТА, *(съ крикомъ.)*

Расинъ! о Боже!
 Спасите! помогите! *(бросается въ двери на-лѣво.)*

ВЫХОДЪ V.

ЛУИЗА И ЛАНСЕЛО, *(выбѣгаютъ изъ дверей.)*

ЛУИЗА.

Что такое?
 Расинъ! Мой Богъ! безъ чувствъ онъ!... Марта! Боже!

Она ушла! скорѣе, Лансело!
За докторомъ бѣги! и даже *(говоритъ ему на ухо.)*

ЛАНСЕЛО.

Да!

Я понимаю! я бѣгу! *(уходитъ.)*

ЛУИЗА.

Марія!

Ты здѣсь?

МАРІЯ.

Луиза! видишь Богъ! въ твоемъ
Несчастьи я виновна!

ЛУИЗА.

Что съ тобою?

Что говоришь ты? Онъ открылъ глаза,
Онъ дышетъ!

РАСИНЪ, *(слабымъ голосомъ.)*

Гдѣ я! Что со мной? Луиза!
Луиза! о! меня ты любишь!

ЛУИЗА, *(падаетъ на колѣни.)*

Боже!

Благодарю! онъ наконецъ узналъ!
За этотъ мигъ — моихъ страданій мало!

РАСИНЪ.

О! для чего тебя я разгадалъ
Такъ поздно! да, теперь мнѣ ясно все!
И умереть въ такое время!

ЛУИЗА.

Боже!

Какая мысль!... ты будешь жить Распнъ,
Жить долго.

РАСПНЪ.

Нѣтъ! я чувствую въ груди
Боль тяжкую! Марія! подойди!
Дай руку — пусть проститъ тебя Господь,
Какъ я прощаю! будущю жизнью
Ты искупи прошедшее твое!

МАРІА.

Распнъ, когда сюда явилась я,
Мнѣ оставалось жить не больше часу,
Я безъ того съ тобой бы невидалась,
Теперь умру спокойно я!

РАСПНЪ,

Марія!

Луиза! въ жизни Богъ мнѣ не далъ счастья,
Быть-можетъ тамъ, — за здѣшнія страданья
Меня Онъ наградитъ. Двѣ сильныхъ страсти
Свели Распна въ равнюю могилу:
Любовь моя къ Маріи Шавмеле
И ненависть Маркизы Ментенонъ....
Молитесь о грѣшникъ Распнъ!

ВЫХОДЪ VI.

ЛАНСЕЛО, ПОТОМЪ ВАЛЛО И БОССЮЭТЬ.

ЛАНСЕЛО.

Идутъ! идутъ! я въ двухъ шагахъ отсюда
Нечаянно ихъ встрѣтилъ: — одного

Я знаю, то Валло, придворный докторъ, —
 Другой въ еврейскомъ, жреческомъ костюмъ!...
 Идутъ! идутъ!

РАСПНЪ.

Мой добрый Лансело!
 Дай руку мнѣ въ послѣдній разъ! прощай!

ЛАНСЕЛО.

Куда ты, Жанъ?

РАСПНЪ.

Въ далекое жилище,
 Въ гробъ тѣсный! на широкое кладбище!

ЛАНСЕЛО.

Ты умирать собираешься, Распнъ!...
 А я-то что же, развѣ я одинъ .
 Могу остаться?

РАСПНЪ.

Въ этотъ часъ ужасный,
 Уже ли умру съ печальной мыслью я,
 Что протекла безплодно и напрасно
 Для міра, для искусства жизнь моя?
 Напрасно ли я погибъ въ борьбѣ со свѣтомъ,
 Уже ли не былъ я рожденъ поэтомъ?....

ЛАНСЕЛО.

Нѣтъ! нѣтъ! Распнъ — не вѣрь ты людямъ — нѣтъ!
 Ты былъ поэтъ — ты истинный поэтъ!
 Придетъ пора! стихи твои — потомки
 миръ весь — будутъ съ радостью читать,
 И вся вѣка, тебѣ дивясь громко,
 Распна имя будутъ прославлять.
 Тебя спасетъ стиховъ твоихъ эгида!

Ты Эврипидъ! ты выше Эврипидъ!
Вѣрь — вдалѣ вѣковъ прозрѣлъ теперь старикъ:
Ты былъ великъ и будешь вѣкъ великъ!

РАСВѢТЪ.

Благодарю!... я вѣрю! — Боже правый,
Тяжка была жизнь грустная моя,
Я не рошу... ко мнѣ мои друзья!...

Луиза!... Клодъ!... Марія... небо!... слава! *(умираетъ.)*

(Марія съ громкимъ крикомъ падаетъ безъ чувствъ. Лансело стоитъ, какъ пораженный громомъ. Валло сбѣгаетъ въ комнату и бросается къ трупу. На порогъ показывается Боссюэтъ.)

ЛУИЗА. Отецъ мой! ужъ поздно! помолитесь за душу бѣднаго Расина в благословите вступить въ монастырь Кармелитокъ — сестру Луизу — *(становится на колѣни.)*

(Занавѣсъ падаетъ.)

ВЛАДИМИРЪ ЗОТОВЪ.
